

КЭТРИН КНИГА ЧИДЖИ ВИНЬЫ

18+

Кэтрин Чиджи

Книга вины

«Фантом Пресс»

2025

УДК 821.111
ББК 84(8Н03)

Чиджи К.

Книга вины / К. Чиджи — «Фантом Пресс», 2025

ISBN 978-5-907943-15-5

В альтернативной реальности нового романа Кэтрин Чиджи послевоенная Европа достигла невиданных успехов в медицине и биологии – а все потому, что Вторая мировая война закончилась еще в 1943-м, после убийства Гитлера, и в рамках мирного договора союзники получили доступ к результатам опытов, которые проводились нацистскими учеными. Теперь, в Англии конца 1970-х, тройняшки Винсент, Уильям и Лоуренс – последние обитатели приюта “Капитан Скотт”, учрежденного в рамках “Проекта Сикомор”. С самого детства мальчики болеют неизвестной, но опасной Заразой, поэтому вынуждены жить в изоляции и регулярно принимать лекарства. Их дни строго регламентированы: зарядка, уроки, игры, прогулки под надзором трех воспитательниц-“матерей”. Проступки братьев заносятся в “Книгу вины”, сны – в “Книгу снов”, а все сведения о мире они черпают из “Книги знаний”. Больше всего на свете они мечтают выздороветь и уехать в Маргейт, где их ждут развлечения, купание в море и встречи с другими детьми. Однако по мере того, как правительство начинает сворачивать “Проект Сикомор”, идиллический фасад рушится.

УДК 821.111
ББК 84(8Н03)

ISBN 978-5-907943-15-5

© Чиджи К., 2025
© Фантом Пресс, 2025

Содержание

Часть первая. Книга снов	7
Винсент	7
Нэнси	14
Винсент	16
Нэнси	29
Винсент	30
Министр по вопросам одиночества	38
Винсент	42
Нэнси	51
Винсент	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кэтрин Чиджи

Книга вины

The Book of Guilt *by* Catherine Chidgey

Copyright © 2025 *by* Catherine Chidgey

Книга издана при содействии United Agents Ltd. и Агентства Ван Лир

© Анна Гайдено, перевод, 2026

© “Фантом Пресс”, издание, 2026

Часть первая. Книга снов

Винсент

Пока я еще не знал, кто я такой, мы с братьями жили в большом старом доме в самом сердце Нью-Фореста. Синие бархатные шторы там пропитались пылью, каминные решетки-обманки были раскрашены под мрамор, а в обшитом панелями главном холле висели старые, потемневшие зеркала. На столбе у подножия скрипучей лестницы восседал дубовый грифон, и, проходя мимо, мы всякий раз на удачу гладили его отполированные крылья и шептали девиз, вырезанный на свитке у него на груди: *Vérité Sans Peur*¹. Мы, должно быть, жили недалеко от океана – теперь-то я это понимаю, – но никогда не бывали дальше Эшбриджа и никогда не видели большой воды. Тем не менее мы с братьями всегда грезили о ней, вызывая в воображении тихий шелест, непрерывный, как звук нашего дыхания, как биение нашей крови. Шум океана, думали мы, похож на звуки, которые дети слышат до рождения, и какой-то древний инстинкт тянул нас к нему. Когда-нибудь мы отправимся туда, где зародилась жизнь, твердили мы.

Наш дом был одним из приютов “Сикомор”, купленных в сорок четвертом году, когда еще шла война, для таких детей, как мы, хотя с годами нас стало меньше. Вы, наверное, слышали о Проекте?.. Хотя нет, вряд ли. На протяжении многих лет большинство нас не замечало – о нас даже не задумывались. Да и потом люди не любили говорить о приютах, неприятно чувствовать себя виноватыми, и я их понимаю. В любом случае тех приютов больше нет – одни заколочены, другие снесены, третьи превращены в квартиры, и там не осталось ни намека на происходившее прежде.

Наш приют предназначался для мальчиков. Он стоял на краю леса, через реку от деревни Эшбридж, и назывался “Капитан Скотт” в честь трагически погибшего великого исследователя. Снаружи дом был выкрашен в белый цвет, но местами краска облупилась и из-под нее проступала ржаво-красная кирпичная кладка. Территорию окружала высокая каменная стена с битым стеклом по верху – для нашей же безопасности; матери говорили, что мы особенные и поэтому нуждаемся в защите. Если выйти на улицу пораньше, можно было полюбоваться тем, как восходящее солнце расцвечивает осколки и те сверкают в покое утра – изумрудные и янтарные, а серые камни самой стены напоминают хрящи с белыми прожилками.

Мы с братьями проводили много времени в саду: собирали листья каштана, такие огромные, что за ними можно было спрятать лицо целиком, разрезали червей, чтобы выяснить, получится ли из одного два, искали древние монеты и клады, потому что слышали о фермерах, которые находили несметные сокровища. Кто знает, что могло прятаться в земле у нас под ногами? Мы сажали многоножек в спичечные коробки и банки, ловили бабочек “павлиний глаз” и дули на их чешуйчатые крылышки с узором в виде глаз – чтобы отпугивать хищников. Мы приносили жертвы садовым богам: возводили маленькие пирамидки из жуков, лепили изо мха птичек, выкладывали круги из лепестков-сердечек, оборванных с белой камелии, насаживали улитку на острую палку, как голову изменника – на пику. В папоротниковых зарослях мы рассматривали самих себя в декоративном шаре – зеркальной сфере, которая превращала нас в странных существ и искажала до неузнаваемости приют за нашими спинами. Послушные мальчики, помощники, мы собирали у ближайшего ручья острый кресс-салат для сэндвичей и грибы для рагу, чтобы его хватило надолго, но при этом знали, что нельзя трогать ни блед-

¹ Истина без страха (фр.).

ные поганки, ни лимонные мухоморы. Оставаясь без присмотра, мы тыкали палками в высокую траву, надеясь выманить гадюк, но хранили это развлечение в тайне. Со старого лимонного дерева мы срывали бугристые лимоны и относили Дневной маме, которая разрезала их пополам и выжимала сок в ручной стеклянной соковыжималке, прерываясь каждые несколько секунд, чтобы выгрести косточки и мякоть. Отжатые половинки лимонов с разодранной шелковистой изнанкой скапливались у нее под локтем, а потом она разливала сок по формочкам для льда и замораживала.

Мы и не помышляли о побеге. Это были счастливые дни – пока я еще не знал, кто я такой.

Наши матери жили в северном крыле, где мы почти никогда не бывали, и каждый день они по очереди присматривали за нами. Они не были родными нашими матерями – это мы понимали с самого начала, – но любили нас как собственных детей и часто повторяли, что так бы нас и съели. Мы могли в любое время брать альбомы с полки в библиотеке и рассматривать фотографии, на которых матери держат нас, совсем еще малышей, на коленях, трясут погремушками, купают нас, проверяют температуру молока, капая себе на запястья, чтобы убедиться, что мы не обожжемся. Все это было задокументировано. Вот мы вместе с другими мальчиками из “Капитана Скотта” сидим на выстроенных в ряд детских стульчиках и колотим ложками по тарелкам с нарисованными игрушечными мишками. Ничего из этого мы не помнили, но наши матери рассказывали, какие мы были вечно голодные, как они щекотали нам животики и говорили: *Ты же лопнешь! Треснешь от жадности!* В альбомах лежали прядки наших невесомых волос, перевязанные ленточками – такие светлые, такие тоненькие – и подписанные: *Винсент, Уильям, Лоуренс*, потому что иначе их было не отличить. Наши первые зубы, тоже подписанные, тоже одинаковые. Глядя на эти драгоценные частички нас, которые сберегли наши матери, мы чувствовали себя особенными. Да, они нас любили. Если они и отдавали предпочтение кому-то одному из нас, то никогда этого не показывали.

Дежурство Утренней мамы начиналось в пять утра, когда мы еще крепко спали. Она бесшумно открывала дверь в коридоре наверху, отделяющем их крыло от нашего, и спускалась на кухню, чтобы сменить Ночную маму. Они быстро обменивались несколькими фразами, понизив голоса, чтобы не будить нас, Ночная мама передавала Утренней все сведения, которые могли ей пригодиться. Один из нас разговаривал во сне, другой опять намочил постель – ничего особенного, насколько мы могли судить. Пока мы спали, она шла в прачечную, куда по бельевой трубе уже отправилась наша грязная одежда, а чистая ждала, когда ее выгладят, сложат и вернут нам – зеленые рубашки Лоуренсу, красные Уильяму и желтые мне. Мы всегда были опрятно одеты. Это важно, говорила Утренняя мама, потому что люди судят о других людях по одежде, волосам и ногтям – такова уж человеческая природа.

В половине седьмого, зажав под мышкой “Книгу снов”, в цветастом халате, накинутом поверх простой юбки и блузки, Утренняя мама на цыпочках поднималась по лестнице в нашу комнату.

Иногда мы просыпались еще до ее прихода и старались лежать неподвижно, думая о своих снах, и только о них. Простыни были сбиты и перекручены, и ужасно хотелось выпутаться из них, чтобы не ощущать грубые швы на штопаном-перештопаном полосатом хлопке, но если пошевелиться, если всего лишь открыть глаза, сны могут улетучиться, и надо будет просить прощения и сознаваться, что ничего не помнишь. Тогда голос Утренней мамы станет печальным, как будто ей причинили боль, ткнули в какое-то чувствительное и потаенное место маникюрными ножницами, которые детям не игрушка. Но чаще она все-таки будила нас сама, трогая за плечо и шепотом окликая по именам. В те утренние часы мы не вполне осознавали, что она рядом, – нам казалось, что мы пересказываем сны самим себе, еще не до конца проснувшись. Лоуренс спал ближе всех к двери, поэтому она подходила к нему первому, садилась на край кровати, открывала книгу, записывала дату и его имя и ждала, когда он заговорит. Потом она шла к Уильяму, спавшему у старого камина, и, наконец, ко мне – к окну. Мне

приходилось заставлять себя не слушать голоса братьев, иначе их сны могли проникнуть в мои собственные и испортили бы все дело, как говорила Утренняя мама. Внесли бы неразбериху.

– Винсент, – шепотом звала она, держа ручку наготове, когда подходила моя очередь. В светлеющей комнате начинали вырисовываться ее веснушчатое лицо и рыжеватые кудри. – Расскажи мне все, что помнишь.

– Я брожу по голой вересковой пустоши, и вдруг передо мной встает на дыбы пони, – отвечал я, или: – Я ем, кусаю что-то твердое, а это мой собственный выпавший зуб, – или: – Я заворачиваю подарок и хочу оставить его себе, но Дневная мама говорит, что это все равно что украсть. – В этих беседах с Утренней мамой мы с братьями всегда говорили в настоящем времени, притворяясь, что видим сны прямо в этот момент, потому что ей так больше нравилось. Прошедшее время, по ее словам, отдаляло нас от сюжета сна и уже таило в себе забвение. – Я пытаюсь развести огонь, но спички не зажигаются. Я пришиваю именные бирки к своей новой одежде, но куча вещей растет на глазах, и я не представляю, когда успею сносить столько джемперов.

День за днем она записывала все в свою книгу. Всю эту бессмыслицу, все невнятные обрывки. Иногда в моей памяти утра сливаются в одно долгое утро, в один долгий сон. Наши нетвердые после пробуждения голоса. Вязаные одеяла, сделанные Ночной мамой и сползающие с кроватей. Пуховые подушки, выдыхающие невидимую пыль. Ручка Утренней мамы, которая шуршит по странице, записывая каждую деталь.

* * *

Вряд ли вы помните даже свои давние сны, не говоря уже о чужих, поэтому, скорее всего, не поверите, когда я скажу, что до малейших подробностей помню один из снов Лоуренса. Это было очень много лет назад – в марте 1979 года, – но я все помню, потому что тогда впервые услышал о ней.

– Я бегу по лесу за девочкой, – пробормотал он, еще полусонный.

– За девочкой? – переспросила Утренняя мама, и в ее голосе послышались какие-то незнакомые нотки. Что-то ломкое. – Сколько лет этой девочке?

– Как мне, лет тринадцать. Это происходит весной, и я нарвал для нее букет колокольчиков.

– Лоуренс завел себе подружку, – вставил Уильям, и я засмеялся, хотя должен был сосредоточиться на собственном сне.

– Тихо! – прошипела Утренняя мама, которая никогда так с нами не разговаривала. – Лоуренс, продолжай. Как выглядит эта девочка?

– Худая. Босые ноги. Длинные черные волосы.

– А одежда?

Лоуренс молчал.

– Что на ней надето, Лоуренс?

Пауза. Воздух в спальне сгустился от напряжения.

– Ничего, – прошептал он.

Я снова рассмеялся – это было сильнее меня.

– Замолчишь ты или нет? – одернула меня Утренняя мама. – Так что, Лоуренс, милый, ты догоняешь эту девочку?

– Нет. Она оглядывается на меня через плечо и смеется, но я не могу ее поймать. Это конец.

– И больше ничего? Ты уверен?

– Это конец, – повторил он.

Застелив постели, умывшись и выйдя на улицу делать зарядку, мы с Уильямом попытались разузнать подробности. Девочка была красивая? Это был стыдный сон? У нас как раз началось такое – во сне мы теряли контроль над собственными телами и просыпались на грязных простынях, которые сгребали и спускали в бельевую трубу. Сначала мы боялись, что заболели или даже умираем, но Утренняя мама сказала, что с этим явлением надо смириться, каким бы неприятным оно ни было для всех причастных.

Лоуренс отмахнулся от наших вопросов и стал делать разминку, как и полагалось в начале зарядки, чтобы не получить травму. Он морщился, когда двигал плечами, вращал бедрами, подтягивал согнутые колени к груди: суставы у него болели уже несколько недель. Просто девочка, сказал он. Ничего особенного. Даже когда мы с Уильямом на него навалились, предварительно убедившись, что никто из матерей не видит, он изобразил, что застегивает рот на молнию. Он бывал очень упрямым, особенно если на него наседали.

Мы отжимались и прыгали “звездочками”, стряхивая с себя холод мартовского утра. В небе еще висела половинка луны, и это всегда казалось неестественным, хотя мы часто видели ее в самом начале дня. Мы шурились и пытались разглядеть флаги, о которых рассказывали нам матери, – американский, немецкий и британский, воткнутые в лунную пыль в 1957 году.

Позже, когда мы ждали уроков в библиотеке, Уильям снова начал спрашивать Лоуренса про сон, но Лоуренс сделал вид, что занят: выбрал штук пять цветных карандашей, стоявших в баночке из-под патоки, и один за другим принялся их точить. Однако он покраснел. Покраснел из-за девочки без одежды.

Я прошел в дальний угол и стал рассматривать фотографии, висевшие рядом со шкафом для инструментов. Сколько я себя помню, раз в год мы все выстраивались на улице, чтобы Утренняя мама сфотографировала нас для отчетов доктора Роуча. Она брала настоящий большой фотоаппарат – такие были в каждом приюте, – и мы становились в ряд вдоль лавандовых клумб. Я разглядывал фотографию трехлетней давности, сделанную в те времена, когда нас в приюте было человек сорок. Вот двое Джонсов, четверо Браунов, трое Смитов – все они уже уехали в Большой приют в Маргейте. Вот Джон Уилсон и Дэвид Коллинз, у которых не было братьев, и поэтому их жалели, но дружить с ними не хотели, – они тоже уехали. Пол Браун в аранском свитере, который Ночная мама связала ему на день рождения, он так полюбил этот свитер, что продолжал его носить, даже когда пояс расползся, а манжеты перестали доходить до запястий. Ричард Джонс снял очки, а его брат – нет, они всегда старались хоть чем-то отличаться друг от друга. Роджер Смит улыбается от уха до уха, потому что знает, что задумал Уильям, – а вот и он, мой прекрасный брат, на обоих концах длинного ряда мальчиков. Сначала он встал слева от Утренней мамы и улыбнулся в объектив, а потом, когда фотоаппарат двинулся дальше, перебежал на правый край. Но кто этот мальчик рядом со мной? И кто рядом с ним, если уж на то пошло? Я осознал, что теперь, после их отъезда в Маргейт, не могу даже вспомнить их имена. Вообще с трудом их припоминаю. И уже много лет к нам не подселяли новеньких – в “Капитане Скотте” мы были последними.

– Итак, мальчики, – сказала Утренняя мама, начиная урок, – пожалуйста, достаньте тетради. Нам сегодня многое предстоит успеть. Как мы себя чувствуем? Хвост торчком, глаза горят?

Да, кивнули мы, никаких проблем. Никаких серьезных проблем. Только сердце у меня немного трепыхалось в груди.

Мы заканчивали Вторую мировую войну, и Утренняя мама взяла с полки второй том “Книги знаний” (“ВОМ – ИМП”) и открыла раздел, посвященный Гетеборгскому договору.

– 16 ноября 1943 года, – читала она, – Адольф Гитлер был убит взрывом бомбы, которую пронес на себе майор Аксель фон дем Буше. Буше демонстрировал новую зимнюю форму для немецкой армии и спрятал модифицированную противопехотную мину в рюкзаке. При-

близившись к фюреру, он привел в действие детонатор и закашлялся, чтобы заглушить шипение. Когда он обнял Гитлера, взрыв мгновенно убил обоих.

Уильям со свистом выдохнул воздух сквозь зубы, заключил Лоуренса в объятия, потом издал горловой звук, похожий на взрыв бомбы, и повалился на пол, увлекая Лоуренса за собой.

– Да, спасибо, Уильям. Очень реалистично. Пожалуйста, мальчики, сядьте на свои места.

– Он мне запястье вывихнул! – сказал Лоуренс, хотя и знал, что жалобами ничего не добьешься.

– Сядь на место, – велела Утренняя мама, указывая пальцем на стул Лоуренса, и продолжала: – После убийства заговорщики казнили высокопоставленных нацистских лидеров и сформировали временное правительство. Две недели спустя в Гетеборге, это в Швеции, начались мирные переговоры с западными союзниками. Сначала американский президент Франклин Д. Рузвельт требовал от Германии ни много ни мало безоговорочной капитуляции, но после сложных переговоров Германия согласилась вывести войска из Франции и не сопротивляться оккупации союзников, что обеспечило ей защиту от полномасштабного советского вторжения. Германия также согласилась на проведение демократических выборов до конца года, и в результате пост премьер-министра занял Клаус фон Штауффенберг, а пост канцлера – фельдмаршал Эрвин Роммель. По настоянию нашего премьер-министра лорда Галифакса союзники позволили Германии оставить за собой Судетскую область, Австрию и Эльзас-Лотарингию. Министр обороны Уинстон Черчилль назвал этот компромисс горькой пилюлей, однако Галифакс заявил: “Настал поворотный момент. Дальнейшее промедление приведет лишь к дальнейшим страданиям: мы должны заключить мир, какой бы ни была цена”. – На этих словах голос Утренней мамы понизился, она сделала паузу. – В жизни невозможно получить все, что хочешь. Все, что считаешь правильным. Иногда приходится принимать трудные решения. Да?

Мы кивнули, хотя и не до конца понимали, о чем она.

– Так кто выиграл войну? – спросил Уильям.

– Никто, – сказала Утренняя мама.

– Но кто-то же должен был выиграть.

– Никто не выиграл и никто не проиграл, – повторила Утренняя мама. – На этом в итоге и сошлись стороны, подписавшие Гетеборгский договор. И этот договор принес всем очень большую пользу. Он ознаменовал не только быстрое окончание войны, но и обмен всевозможными научными разработками. Как мы знаем, уже после Первой мировой, когда погибли миллионы солдат и гражданских и повсюду свирепствовали страшные болезни, были достигнуты значительные успехи в биологии. Ученые изо всех сил старались... – Тут она запнулась. – Старались искоренить эти болезни и творили настоящие чудеса. Мир о таком и мечтать не мог. Пенициллин начали массово производить в тысяча девятьсот?..

– Тридцатом году, – ответили мы.

– А вакцину от полиомиелита?..

– В тридцать восьмом.

– А двойную спираль ДНК открыли?..

– В тридцать девятом.

Она улыбнулась: ей всегда было приятно, когда мы помнили материал предыдущих уроков.

– А потом благодаря сотрудничеству, которое стало возможным после заключения договора, мы достигли огромного прогресса. Известный вам доктор Роуч добился поразительных успехов в... в своей области, получив доступ к исследованиям, которые проводились в лагерях до и во время войны. Отчасти эта информация ужасна, но она имеет огромную научную ценность. Так что те несчастные люди умерли не напрасно. В определенном смысле они остались жить в веках – мы можем назвать это так. Всегда нужно помнить о всеобщем благе.

Мы снова кивнули, а потом она посмотрела на часы, и оказалось, что пришло время перерыва. Она пошла на кухню, чтобы нарезать нам яблоки и сыр, насыпать изюм в маленькую голубую пиалу и приготовить лекарства.

Уильям взял первый том “Книги знаний” (“А – ВОЛ”) и нашел статью об Адаме и Еве. Мы часто изучали ее, когда оставались одни, в основном из-за картинки с обнаженными фигурами, хотя это была всего лишь нечеткая репродукция – черно-белая копия, которая расплывалась мушинными пятнами, если поднести ее к глазам слишком близко.

– Так выглядела девочка из твоего сна? – спросил Уильям. – У нее длинные черные волосы. Может быть, именно отсюда ты ее и взял.

Лоуренс вздохнул: мы явно не оставим его в покое. Он посмотрел на полные руки Евы, на ее пышные бедра.

– Слишком крупная, – сказал он. – И мне по-прежнему кажется, что Адам пытается схватить ее за грудь.

Мы уже спорили об этом раньше.

– Он пытается не дать ей сорвать яблоко, – возразил я.

– И схватить ее за грудь.

Уильям поставил книгу на место и, присев на край подоконника, принялся ковырять стеклянный глаз козы, которую мы смастерили на День рукоделия. Коза смотрела на нас пристальным немигающим взглядом, до странности похожим на человеческий.

– Кажется, мне она тоже снилась, – сказал он.

– Кто, Ева? – не понял Лоуренс.

– Худая девочка, бегущая по лесу.

– Что?

У других братьев бывали одинаковые сны, но у нас – никогда.

– Ты не говорил об этом Утренней маме, – сказал я.

– Не говорил.

– Ты что, забыл?

Такое случалось время от времени – мы забывали свои сны, но потом что-нибудь увиденное или услышанное напоминало о них, и мы рассказывали той матери, которая была на дежурстве, чтобы она могла задним числом сделать запись в книге.

– Нет, – отозвался Уильям. – Она... она немножко меня напугала.

– Утренняя мама? – удивился я. Она бывала строгой, но уж точно не страшной. Не настолько.

– Девочка из сна. – Он все еще ковырял козий глаз, пока тот не вывалился из деревянной головы вместе с проволочкой, облепленной у основания засохшим клеем.

Лоуренс свел брови.

– *Напугала?* – переспросил он.

Уильяма никогда ничего не пугало.

– Я подумал, что если расскажу о ней, то она... станет настоящей.

Я чувствовал, что Уильяму не по себе.

– Это просто глупый сон, он ничего не значит, – сказал я. Взял тюбик клея из шкафа для инструментов и вернул глаз на место, вставив проволочку обратно в козью голову. – Я знаю, что мы сделаем. Сегодня днем, после обеда, я буду тобой, ты Лоуренсом, а он мной. Договорились?

Мы делали это с самого детства – притворялись друг другом и проверяли, заметит ли кто-нибудь. Иногда такое случалось – мы выдавали себя, отозвавшись не на то имя, то есть на свое собственное, или забывали спрятать характерную сыпь или синяк, – но чаще всего никто не догадывался. Насколько мы были похожи.

Мне нужно было в туалет, поэтому я распахнул дверь библиотеки и направился в коридор со словами: “Настал поворотный момент. Дальнейшее промедление приведет лишь к дальней-

шим страданиям”. Проходя мимо икебаны из веток сливы, гортензий и буддлеи, составленной Дневной мамой и символизирующей космический баланс между изобилием и пустотой, я чуть не столкнулся с Утренней мамой. Она подняла бровь – мы боялись этой поднятой брови как огня – и осторожно поставила поднос с яблочными дольками, сыром, изюмом и лекарствами на стол, после чего заметила, что она все слышала, и хотя я наверняка считаю себя очень остроумным, надо проявить немного уважения к британским героям, таким как премьер-министр Галифакс. Он извлек максимум пользы из сложной ситуации, и его решения пошли на благо всей страны – на благо *науки*.

– Мне записать тебя, Винсент? – спросила она.

– Нет, Утренняя мама, – сказал я, и меня охватила слабость. Снова затрепыхалось в груди. – Прости.

– Ладно. Но следи за своим поведением.

– Да, Утренняя мама.

Мы трепетали при мысли о том, что нас запишут, потому в приюте было принято вести учет не только нашим снам, но и нашим прегрешениям. “Книга вины” стояла на нижней полке библиотеки, рядом с фотоальбомами, и в нее матери вносили все наши проступки – действия, за которые мы должны были чувствовать вину. Вранье, драки, рукоблудие, неподобающее поведение. Теперь-то я понимаю: никаких наказаний за этим никогда не следовало. Наказанием был сам факт внесения в книгу. Наказанием было разочаровать наших матерей.

В тот день после обеда мы сбежали в свою комнату и поменялись одеждой: Лоуренс натянул мою желтую рубашку, Уильям – зеленую рубашку Лоуренса, а я – красную Уильяма. О черноволосой девочке мы и думать забыли и теперь хихикали, глядя на свои новые отражения. “Просто безобразие, – шептали мы, – до чего ужасные дети”. Когда в час дня Дневная мама заступила на дежурство, она ничего не заподозрила, и мы до самого вечера так и проходили в чужом обличье.

Нэнси

В марте семьдесят девятого года, на тринадцатый день рождения Нэнси, мать вручила ей крошечный сверток в бледно-розовой оберточной бумаге. Что могло туда поместиться? Неужели мать над ней подшучивает и в свертке ничего нет? Но когда Нэнси его открыла, ей на ладонь выпали сверкающие серьги-гвоздики не больше булавочной головки.

– Они настоящие? – выдохнула Нэнси, потому что гвоздики казались слишком изящными, слишком драгоценными.

– Из настоящего стекла, – отозвалась мать, – и, между прочим, старинные.

Нэнси видела по телевизору женщин с такими серьгами – маленькие светящиеся точки, вспыхивающие при каждом движении.

– Мы подумали, что они будут хорошо смотреться с твоим особенным платьем. – Отец кивнул на серебристо-зеленое платье, которое Нэнси надела в честь дня рождения.

– Но у меня уши не проколоты.

– Это еще одна часть подарка, – сказала мать.

Она усадила Нэнси за кухонный стол и накинула ей на плечи полотенце для посуды, чтобы не испачкать платье, а потом нарисовала синей ручкой точки на обоих ушах.

– Кеннет, принеси лед.

Отец вытащил кубик льда из формочки в морозилке, и мать приложила его к мочке левого уха Нэнси.

– Только смотри, чтобы у тебя не онемели руки, Марджори, – сказал он. – Пальцы тебе понадобятся.

– Ты прав, – согласилась мать.

Она обернула кубик фольгой, а отец зажег свечу и окунул в пламя швейную иглолку. Наблюдая за горячим язычком, который мерцал и извивался вокруг острого кончика, Нэнси не могла понять, горят у нее уши или замерзают.

– Это зачем? – спросила она, но родители просто улыбнулись и сказали, что потом она поймет: это того стоит.

Отец помахал иглой в воздухе, остужая, и мать поднесла ее к уху Нэнси:

– Что-нибудь чувствуешь?

– Нет, – ответила Нэнси, хотя ее грудь была полна крошечных крылатых созданий, отчаянно рвущихся наружу, – колибри, пчелы, мухи.

– Теперь ты должна посидеть совершенно неподвижно, – сказала мать. – Не шевелись.

– А если мне нужно чихнуть?

– А тебе нужно чихнуть?

Создания бились о ребра, царапали горло кончиками бешено колотящихся крыльев.

– Нет. Но для чего иглолка?

– Ты и моргнуть не успеешь, как все закончится. А теперь не двигайся.

Она ощутила не боль. Не боль как таковую, скорее тянущее чувство, как будто ткани ее тела смещались и расходились. А уже потом пришла боль.

– Не двигайся! Тихо! – Мать вытащила иглу, и на запястье у нее была кровь, и отец протянул ей сережку, и она вставила ее в ухо Нэнси. – Вот, проще простого.

Отец улыбался и кивал:

– Видишь? Мы же говорили.

– Я не хочу вторую, – сказала Нэнси.

Родители переглянулись.

– Да что ты, зайка! – воскликнула мать. – Ты же не можешь ходить с одной сережкой!

– Это будет смотреться глупо, – согласился отец. – Кособоко и по-дурачки.

– Я не хочу! – повторила Нэнси.

Но мать уже прикладывала лед к другому уху.

Когда все было готово, родители отошли в сторону и взглянули на нее так, как они часто это делали. Что-то взвешивая, обдумывая. Как бы оценивая ее.

– Ну посмотри, Марджори, – сказал отец чуть погодя. – Кажется, у тебя вышло идеально.

– Идеально, – откликнулась мать и сфотографировала Нэнси.

Винсент

Всю жизнь мы мечтали узнать побольше о деревне за рекой. Из нашей угловой спальни открывался вид на вересковые пустоши, леса и Эшбридж за ними, где часовая башня показывала четыре разных времени на четырех синих циферблатах, а над красными крышами возвышался церковный шпиль. В дождливые дни глиняная черепица блестела, как мокрые листья, а зимой из труб поднимался дым, и мы представляли, как огонь в очагах окутывает семейства теплом и уютom. Еще совсем маленькими мы спрашивали матерей, почему нам туда нельзя, а они отвечали, что мы очень уязвимы и что у нас слабое здоровье. Если выйти за ворота, есть риск чем-нибудь заразиться от жителей деревни, а это может оказаться опасно. Таково было правило.

Но потом, весной семьдесят восьмого года, все изменилось: при условии, что мы хорошо себя чувствуем, нам разрешили сопровождать матерей, когда им нужно в банк или на почту, или когда, накопив денег, они хотят побаловать себя новым выпуском “Женского мира”, или когда собираются купить нам новую обувь, потому что растем мы как на дрожжах. Таково было новое правило, пришедшее на смену старому.

Мы не могли в это поверить. Мы спросили Утреннюю маму, кто именно разрешил нам ходить в деревню – не она ли?

Нет-нет, сказала она, у нее нет таких полномочий.

Значит, доктор Роуч?

Нет, ответила она, точно не доктор Роуч. Таково решение правительства, хотя она сомневается, что это правительство надолго останется у власти.

Значит, новое правительство может опять вернуть прежнее правило?

Вполне вероятно, сказала она.

А прийдет ли новое правительство других мальчиков в “Капитана Скотта”? Чтобы мы не были последними?

Она не знает. Она не умеет заглядывать в будущее.

Сначала мы нервничали – боялись, что подцепим что-нибудь от деревенских. Но Утренняя мама заверила нас: пока мы хорошо себя чувствуем и сохраняем правильный настрой, никакой опасности нет. И до чего удивительными были эти первые прогулки! Как странно было видеть нашу каменную стену с другой стороны и оставлять приют позади, шагая с Дневной мамой по узкой дороге! Мы вздрагивали, услышав приближение машины, но она замедляла ход, объезжая нас, а водитель с озадаченным видом косился из окна. Дневная мама говорила не обращать на него внимания. Мы вприпрыжку бежали вдоль живых изгородей, мимо сонных коров и пугливых пони, рассекавших хвостами зеленый воздух, мимо дикой яблони с огромным дуплом в сердцевине, хотя оно и не мешало ей расти, а потом переходили каменный мост, отделявший нас от деревни. В витринах на главной улице мы видели целые свиные туши и огромные банки сладостей, манекены в настоящей одежде, но с нарисованными волосами, жестянки с рисовым пудингом, выстроенные неустойчивыми пирамидками, а в витрине булочной – механического человечка в белом фартуке и белом колпаке, который кивал головой и постукивал по стеклу деревянной ложкой. Но хотя мы были местными – в конце концов, мы прожили в Эшбридже всю жизнь, – деревенские так и не прониклись к нам симпатией: когда мы здоровались, они скупно кивали, школьники в нарядной форме пихали друг друга локтями и тарасились на нас во все глаза, а лавочники пресекали большинство попыток завязать беседу. Один мужчина торопливо перевел свою дочь на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с нами, а когда она сказала, что мы выглядим вполне обыкновенными, буркнул: “Они не такие, как мы”. Другой мужчина сказал своей жене: “Скоро они еще и потребуют

право голоса. Право вступать в брак. Помяни мое слово”. А Лоуренс вскоре усвоил, что лучше не пытаться гладить чужих собак.

– Будьте выше, будьте выше всего этого, – говорила нам Дневная мама. – Вы в сто раз лучше их.

Только булочник мистер Уэбб был с нами дружелюбен: перед закрытием клал в пакет еще одну булочку с кремом и спрашивал, есть ли у меня подружка, потому что как же такой красивый парнишка и без подружки? Утренняя мама сказала, что он чудак и немного тронутый, но я думал, что он добрый.

Очень редко, если матери были заняты – и если мы чувствовали себя хорошо, – нам позволяли самим отправиться в деревню по мелким поручениям, предварительно взяв с нас обещание вести себя безупречно. То Дневной маме требовались пуговицы или моток резинки, то она объявляла, что за примерное поведение мы заслужили пирог с патокой или пирожное с заварным кремом. Бывало, Утренняя мама вдруг обнаруживала, что кто-то заварил последний пакетик чая, тем самым лишив чая остальных, и нужно было исправить это прискорбное положение.

Я помню, как в первый раз отправился в деревню один, это было в самом начале лета семьдесят девятого. К власти действительно пришло новое правительство, и мы с братьями боялись, что нам запретят выходить на прогулки, но дни шли и ничего не менялось. Отлично, сказали мы, потому что возвращение к прежним правилам казалось невыносимым. Когда Дневной маме понадобилась проволока для новой икебаны, она дала мне денег и попросила не мешкать. Я завернул монеты в носовой платок, засунул поглубже в карман, чтобы не выпали, и отправился в путь. Под живой изгородью уже созрела земляника, и я съел все, что только сумел найти, тщательно осматривая каждую ягоду – нет ли долгоносиков. Пальцы я вытер о траву, а не о брюки, это было бы неосмотрительно и доставило бы Дневной маме еще больше хлопот, когда у нее их и так достаточно.

На главной улице две молодые матери катили своих младенцев в сверкающих белых колясках и смотрели на меня так, словно никогда раньше не видели ни меня, ни моих братьев. Поравнявшись с ними, я услышал, как одна шепнула:

– Жалкое создание. Даже не знает, что такое любовь.

– Еще бы! – отозвалась вторая. – Они не способны чувствовать, как мы.

Это они про меня? Я – жалкое создание? Мне захотелось догнать их и сказать: да, пусть мы сироты, пусть мы иногда болеем, но мы *знаем*, что такое любовь. Прекрасно знаем. У нас целых три матери. Три! Кто еще может таким похвастаться? Но вступать в разговоры с теми, кто не был связан с нашими поручениями, нам запрещалось.

Колокольчик над дверью магазинчика на углу зазвенел, когда я вошел. Пахло беконом, который мистер Кендрик нарезал на большой серебрястой машинке, сыром и рассыпчатым печеньем на прилавке. В стеклянных баночках сверкали конфеты – карамельки со вкусом ревеня и заварного крема, анисовые шарики, полосатые мятные леденцы, сахарные мышки. Я задержался у выставленной соломой плетеной корзины, где лежали счастливые пакетики, каждый со сладостями и пластмассовой игрушкой-сюрпризом внутри. Ужасно хотелось запустить руку в корзину и нащупать самую заманчивую упаковку – кто знает, что мне попадется? Крошечная колода карт, свисток, компас? – я видел, как деревенские дети вытаскивали всевозможные сокровища. Дома я хранил свой единственный пакетик – теперь уже пустой – вместе с личными вещами, и там же лежала игрушка: пластиковый солдатик с парашютом, который благополучно доставлял его на землю, пока не порвался.

Из задней комнаты вышел мистер Кендрик, и мне показалось, что на его лице что-то промелькнуло – тень беспокойства или даже страха, – но так быстро, что я не успел уловить.

– Добрый день, – сказал он. – Уильям, верно? Чем могу помочь?

– Я Винсент, – поправил я.

Снова этот взгляд.

– Винсент. Чем могу помочь?

– Мне, пожалуйста, проволоку для букетов.

Я достал свой завязанный узлом платок, и мистер Кендрик покосился на него так, будто боялся чем-то заразиться, хотя в то время у меня не было никакой сыпи, только слабость и периодические трепыхания в груди, которых никто не видел.

– Это деньги, – сказал я. – Видите?

Тем не менее сдачу он подтолкнул через прилавок, вместо того чтобы вложить мне в руку. Но я сказал “спасибо” и пожелал ему приятного дня, потому что помнил о хороших манерах и знал, что мы не должны давать людям повода придирааться к нам.

– Ну что ты за ангел, – сказала Дневная мама и улыбнулась своей широкой теплой улыбкой, когда я протянул ей проволоку. Она сидела за кухонным столом, собрав вьющиеся темно-русые волосы в привычный пучок. Из кармана фартука она достала купон лотереи “Найди мяч”², вырезанный из газеты. Нам нельзя было читать газету, она предназначалась для взрослых, но помогать с конкурсами Дневная мама разрешала. Она долго изучала фотографию – футбольный матч без футбольного мяча.

– Что думаешь? – спросила она, и я сел рядом с ней и, прищурившись, взгляделся в мужчин, которые бежали куда-то и подпрыгивали безо всякой видимой причины.

– Здесь? – спросил я, указывая перед поднятой ногой игрока.

Она покачала головой:

– Посмотри на этих троих. Они наблюдают за чем-то наверху. – Ее ручка зависла в пустом небе.

Мяч действительно мог оказаться где угодно. На картинке поменьше был показан результат предыдущего конкурса – совсем не в той точке, какую выбрала Дневная мама.

Она пометила купон крестиком в шести разных местах и сунула его обратно в карман фартука, где хранила всякие мелочи. Потом поцеловала меня. От нее пахло выпечкой.

– С чего бы мистериу Кендрику меня бояться? – спросил я.

– Бояться? – переспросила она. – Тебя?

– Мне так показалось.

– Ерунда. Он просто ворчливый старик. Он со всеми такой.

– И одна женщина тоже кое-что сказала.

– Какая женщина? В деревне?

Я кивнул.

– Что же она сказала? – Дневная мама пристально вглядывалась в меня.

– Что я жалкое создание, которое не знает, что такое любовь.

Она немного помолчала, потом громко расхохоталась.

– Большой чуши и нарочно не придумаешь. – Она потрепала меня по волосам. – Так ведь?

– Так, – согласился я. – Может, она и не про меня говорила.

– Да уж скорее всего.

– А что ты купишь, если выиграешь “Найди мяч”? – спросил я.

– Маленький домик, – ответила она. – И ручного дикобраза, чтобы не скучать одной.

Про домик она говорила всегда, а вот животные каждый раз менялись.

– А как же мы?

– А вы будете моими рабами. Придете ко мне готовить и убирать. И иголки дикобразу точить.

² Популярная игра-лотерея, где участникам предлагалось угадать по фотографии с футболистами, где должен находиться мяч, предварительно удаленный со снимка. Тот, кто отметил положение мяча правильно, получал шанс выиграть крупную сумму денег. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Это была наша семейная шутка – наверняка у вас тоже такие есть.
В общем, она ни разу не выиграла. Насколько я знаю.

* * *

Если мы плохо себя чувствовали, надо было побережться. Никаких уроков, никакой сумасшедшей беготни по саду и, конечно, никаких поручений. Мы оставались в пижамах и халатах и дремали в игровой комнате внизу, перед газовым камином. Иногда мы слушали по радиоле пластинку “Петя и волк”, или читали “Книгу знаний”, в тот день не понадобившуюся на уроках, или собирали пазл с Моной Лизой. Он был старый, с потертыми и ободранными деталями, и одного кусочка – на месте левого глаза – не хватало. Каждый раз, начиная собирать пазл, мы надеялись, что глаз найдется, но каждый раз, доходя до конца, видели на лице Моны Лизы все ту же дыру, которую не могли заполнить. Нам больше нравился колючий конструктор – мы сошлись на том, что уже выросли из него, но тут же договорились, что можем возвращаться к нему, когда бодем. Мы вываливали его из обувной коробки и пробегались пальцами по рядам гибких пластиковых шипов, представляя, что можно из них сделать. Замок? Собор? Подводную лодку? Ракету? Как-то раз я собрал Утреннюю маму – с колючими зелеными руками, колючими рыжими волосами и колючей приподнятой бровью. Я показал ее Джону Уилсону, который в тот день тоже чувствовал себя нехорошо и отдыхал на кушетке. Я хотел его подбодрить, но его лицо стало еще бледнее и он заявил, что ему придется на меня пожаловаться, потому что если кто увидит, то подумают, что и он тут замешан. Тогда я разобрал Утреннюю маму, забросил все обратно в коробку и отказался с ним разговаривать. Кажется, вскоре после этого он уехал в Маргейт.

Мы не знали названия нашей болезни, ее симптомы менялись от месяца к месяцу и от мальчика к мальчику, и мы звали ее просто Зараза. Принято было говорить, что мы ее “поймали” – как ловили клопов-щитников, которых сажали в банки и наблюдали, как они ползают кругами в поисках выхода, пока однажды утром не обнаруживали, что они перевернулись кверху брюхом и не двигаются, даже если ткнуть их булавкой. В “Книге знаний” мы прочли о “Самом страшном враге человека” – о микробах. *Не все микробы вредны для человека; в сущности, многие из них выступают его активными союзниками в выращивании сельскохозяйственных культур и уничтожении гниющей материи. Но другие начинают свою разрушительную работу, как только попадают в организм.* Если у нас болело горло, матери готовили нам горячее питье, растворяя в нем кубик замороженного лимонного сока, выжатого Дневной мамой. Если болела голова, они делали прохладные компрессы. Натирали арникой наши синяки, наполняли грелки, чтобы прикладывать к нашим больным суставам, подставляли тазики, если нас рвало, и разрешали лечь в постель, если нас клонило в сон. И конечно же, они давали нам лекарства – то таблетки натоцак, то сироп за завтраком или на ночь, а то и прозрачные растворы, которые вводились нам в вены в течение нескольких часов и бывали разного цвета, как фруктовые соки. Время от времени нам делали уколы, и стеклянные ампулы тихонько позвякивали в коробочке. Возможно, вам это покажется странным, но сейчас, когда мне делают укол, я почти получаю от этого удовольствие. Я вспоминаю, как Дневная мама протирала мне ваткой сгиб локтя, напевая что-то себе под нос, или как Утренняя мама пересказывала статьи из “Книги знаний” – “Наши шестиногие враги и друзья”, “Подводная страна чудес”, “Дерзкое убийство Адольфа Гитлера”, – чтобы отвлечь меня, пока под кожу входит игла, и я действительно ничего не чувствовал. Они были очень нежными.

Иногда мальчики умирали. Если они не доедали свою порцию или отлынивали от утренней зарядки, которая поддерживала тело в форме, Зараза приканчивала их очень быстро. Порой все начиналось с безобидной сыпи, с легкого расстройства желудка, с припухшего языка или трепыхания в груди, а потом наступал конец. Мы видели, как у них выпадают волосы и они

становятся похожими на маленьких старичков. Матери говорили, что нужно постоянно быть настороже. Даже неправильный образ мыслей может привести к тому, что внутри нас начнет свирепствовать Зараза.

Но если все делать как положено и одолеть Заразу окончательно – что ж, прекрасно! Тогда мы сможем отправиться в Большой приют в Маргейте, как все мальчики и девочки из “Сикомор” до нас. Никто не знал, сколько в этом приюте этажей, и ходили слухи, что он становится все выше и выше, потому что по мере необходимости его надстраивают. Мы сами видели, как десятки мальчиков из “Капитана Скотта” выздоравливают: их бескровные щеки и губы розовели, а впалые грудные клетки расправлялись, наполняясь надеждой на будущее. И если лучше становилось одному, то благодаря идентичным генам на поправку шли и его братья – сразу вся двойня, тройня, четверня. Мы спрашивали их: в чем секрет? Как нам тоже поправиться? Они пожимали плечами, собирая в дорогу зубные щетки и начищая свои лучшие ботинки. Нужно просто верить, говорили они. И это никак не помогало.

В Маргейте океан простирался в бесконечность и волны никогда не переставали набегать на берег. Там можно было строить замки из песка и собирать морские блюдечки, морских улиток и сердцевидок – бери не хочу, – а в сувенирных лавках продавались крошечные женские фигурки, сделанные из ракушек. Можно было пойти в дельфинарий, где Бритт, Турок и Резвач прыгали через барьеры и ходили на хвостах. А еще можно было побродить по Ракушечному гроту – причудливой системе подземных ходов, украшенных замысловатой мозаикой из ракушек. Мы читали об этом гроте в “Книге знаний”. Что это – каприз какого-то богача? Астрономический календарь? Храм? Пещера оракула? Пиратское логово? Никто не знал, кто его создал и зачем. Может, финикийцы или римляне, а может, какое-нибудь тайное общество – наверняка не определить. Лоуренсу нравилась версия о тайном обществе – особом клубе, как он говорил, куда допускаются только избранные. Любители природы. Любители животных. Люди, которые на поверхности могут казаться самыми обычными и непримечательными, и никогда не догадаться, что они ведут тайную жизнь под землей. Мы внимательно изучали фотографии мозаик и водили пальцами по контурам изображений, указанных в подписях: матка, якорь, дерево, змея, заходящее солнце, скелет. Путешествие души через рождение, жизнь и смерть к новой жизни среди звезд – так было принято трактовать эти символы. Я представлял себе стены, которые щетинятся спиральными панцирями морских улиток, темными переливчатыми раковинами мидий, створками устриц, скользкими, как рот изнутри. Странную Алтарную палату с ее полной луной и заходящим солнцем, высокий купол, весь в кольцах белых и серых ракушек. Яркий диск неба в отверстии наверху.

А после визита в подземелье можно было пойти в парк развлечений “Страна Грез”. Мы с братьями так часто о нем говорили, что мне казалось, будто я там уже бывал. Будто я летел с башни “Вихрь” вниз по спиральной горке, врезался в чужие машины на “Автодроме”, подбадривал лихачей-мотоциклистов, которые без рук неслись по вертикальной Стене смерти. Я почти помнил, как гулял по Волшебному саду на закате, рассматривая электрические подснежники и стеклянные апельсины, светящиеся изнутри. И видел – видел же? – как огромный корпус “Куин Мэри”, здания в форме лайнера, с наступлением темноты превращается в тень.

Мальчики понимали, что их отправляют в Маргейт, когда находили у себя на подушке брошюру, – мы были уверены, что ее туда клал кто-то из матерей, хотя ни разу не видели, как они это делают.

Откройте для себя солнечный Маргейт! – гласила первая страница. – Бескрайние просторы золотых пляжей ждут вас. Играйте, бездельничайте, копайтесь в песке! Это настоящий рай для детей: батуты, карусели, качели, озера среди скал, бассейны с морской водой, а главное – самая солнечная и сухая погода во всей Британии. В дельфинарии и Ракушечном гроте царит прохлада даже в самые знойные дни, а “Страна Грез” может похвастаться не менее чем двадцатью акрами развлечений. Здесь представлены лучшие аттракционы: “Живо-

писные горки”, “Речные пещеры”, “Автодром” и “Небесные колеса”. Мальчишкам и девочкам понравятся озорные обезьянки и птицы-велосипедисты, но глядите в оба, потому что по парку бродят динозавры! А после целого дня развлечений из Большого приюта можно полюбоваться шикарным видом на закат над заливом.

Дети на фотографиях ели мороженое, катались по пляжу на осликах, с визгом неслись в вагончике по деревянным горкам, аплодировали дельфину Турку, когда он выпрыгивал из воды, чтобы нажать на клаксон. *Наши дельфины восторженно резвятся в настоящей морской воде, играют на музыкальных инструментах, приносят брошенные предметы и даже разговаривают!* На фотографии из “Страны Грез” мальчик сидел верхом на огромном лебедь с широко распростертыми крыльями и крепко держался за его шею, а десяток его приятелей у входа в павильоны с довольным видом грызли яблоки в карамели. *Затаив дыхание, мальчишки и девочки выстраиваются в очередь, чтобы увидеть мадемуазель Иветту, живую женщину без головы*³. На фотографиях Большого приюта видны были нарядные сине-белые навесы над окнами и витражи на входной двери – золотые виноградные лозы и рыбки с раздутыми ртами. Одна девочка зачарованно изучала высокий купол в Ракушечном гроте, другая совсем терялась на фоне колоссального силуэта “Куин Мэри”. В тире кто-то целился в нарисованную улыбку, пытаясь выбить зубы. Я больше всего любил фотографию мальчишка, по шею закопанного в песок (*Кое-кому не поздоровится, когда начнется прилив!*), а Лоуренс – мальчишка, хлопающего в ладоши при виде ярко-зеленого попугая, который едет на крохотном велосипедике и заглядывает прямо в объектив блестящим черным глазом. Уильям предпочитал девочку, протягивающую тираннозавру с широко раскрытой пастью сахарную вату. *Приезжайте в Маргейт, – было написано на последней странице, – где дети могут наслаждаться жизнью, просто оставаясь детьми.*

Каждый вечер я проверял, не появилась ли и на моей кровати заветная брошюра. Я никак не мог понять, почему нас не забирают, когда остальные мальчишки из “Капитана Скотта” уже уехали. Двое Джонсов, четверо Браунов, трое Смитов и все те, у кого не было братьев. “Когда же настанет наша очередь?” – спросил я Дневную маму. Она тогда повела нас в лес на природоведческую прогулку и рассказывала о бабочках: желтых лимонницах, черно-бурых глазках, серебристых нимфалидах. Это зависит не от нее, ответила Дневная мама через плечо, но она уверена, что рано или поздно мы попадем в Маргейт, а пока что она намерена наслаждаться нашим обществом как можно дольше. Она остановилась и указала на что-то похожее на кость, белеющее среди опавших листьев, это были сброшенные олени рога. Мы все ринулись к ним, Лоуренс споткнулся о корень, Уильям попытался отпихнуть меня, но я успел первым. Рога были все в бороздках от зубов мышей и зайцев, и нести их оказалось тяжелее, чем я ожидал, с моей-то слабостью. И все же я демонстрировал свое превосходство над братьями, прижимая ветвистую костяную корону ко лбу, пока совсем не выбился из сил. Она до сих пор хранится у меня в коробке. Я никогда на нее не смотрю.

В свободное время, в дождливые дни, мы бродили по дому. Мы заглядывали за узкие двери, обнаруживая там нагромождения пыльных труб и проводов, скрытые внутренности нашего жилища, и рассматривали вышивку в углу игровой комнаты, настолько старую, что стежки побурели от времени. Она была посвящена памяти Марты Эмили Филлипс, которая умерла в 1832 году в возрасте трех лет, и иногда, на спор, мы шепотом читали вслух вышитые слова: *Пускай безмолвная могила тебя до срока приютит, но час пробьет, и облик милый тебе Спаситель возвратит.* В верхней гостиной мы с любопытством изучали чучело гигантской щуки в стеклянной витрине, ее покрытое лаком туловище было толщиной с наше бедро,

³ Популярное в 1940-е годы представление, в ходе которого зрителям демонстрировали живую женщину, якобы лишившуюся головы в результате несчастного случая. На возвышении восседало безголовое тело с трубками, торчащими из шеи и подключенными к резервуарам с воздухом и жидкой пищей. Это тело двигалось и могло выполнять обращенные к нему команды. Эффект отсутствия головы создавался благодаря системе зеркал.

а зубы острые, как осколки стекла на каменной стене снаружи. Задняя стенка витрины была выкрашена в водянистый сине-зеленый цвет, а из днища торчали камыши, чтобы создать впечатление, что выцветшая рыба плавает в реке. Она ведь похожа на витражную рыбу на двери Большого приюта, правда? Может, это знак?

Бродили мы и по комнатам других мальчиков – по опустевшим комнатам. Наши голоса звучали в них слишком громко и глухо, отражаясь от стен и пола. Иногда на голых матрасах мы различали нечеткие вмятины, повторяющие очертания тела того, кто здесь спал. Мы находили забытые вещи: рисунок линкора, высушенного жука в спичечном коробке. В одной из комнат на первом этаже мы обнаружили нацарапанные на плитке инициалы: ТК, ЛК, ПК 17.05.75.

– А не было ли у нас пару лет назад мальчика по имени Тони? – спросил Уильям.

– И, кажется, Питер был, – сказал Лоуренс. – Питер Картер? Питер Коннор?

И мы их вспомнили – высокие братья со светло-русскими волосами, которые вечно задирали других. Тони подбрасывал в чужие кровати то сосновые шишки, то лягушек. А Питер как-то вывалил тарелку с желе и заварным кремом на голову мальчику помладше, потому что решил, что тому положили порцию больше. Они творили вещи и похуже, гораздо хуже. Тони наложил кучу в чью-то постель – мы не помнили почему, но помнили, что Утренняя мама посвятила этому проступку полстраницы в “Книге вины”, и ее это задело даже больше, чем его. Питер выдернул стул из-под Джона Уилсона, когда тот садился обедать, и Джона пришлось везти в больницу – а такое случалось редко, – чтобы наложить пять швов на затылок. Тони и еще один их брат – Лайонел? Да, Лайонел – покатывались со смеху. “Ты там попроси врача заодно проверить, есть ли у тебя мозги”, – сказали они Джону. Почему их вообще взяли в Маргейт?

Помню, в одной комнате мы наткнулись на брошенное гнездо, видимо принесенное с природоведческой прогулки, а в нем три крошечных голубых яйца, еще целые. По виду они были в отличном состоянии, и мы стали гадать, не вылупятся ли птенцы, если держать их в тепле. Лоуренс сказал, что это яйца скворца (он хотел стать ветеринаром и много читал про животных в “Книге знаний”), а скворцы умные птицы – может, из них выйдут домашние питомцы и мы приучим их есть с рук. Но когда я взял в руки одно из яиц, оно смялось – скорлупа была тонкой, как бумага, а внутри все протухло. Никогда не забуду эту вонь – мне потом несколько дней казалось, что пальцы пахнут тухлятиной.

Находили мы и одежду – саржевые брюки, залоснившиеся на коленях, зимние майки, зимние носки, заштопанные аккуратными стежками Дневной мамы, аранские свитеры, связанные Ночной мамой, каждый раз разные. Если мы находили вещи, которые нам нравились, и они были подходящего цвета – зеленый для Лоуренса, красный для Уильяма и желтый для меня, – мы забирали их себе. Отпороть старые бирки с именами и нашить вместо них наши не занимало много времени.

Наверное, однажды мы попали в бывшую комнату Пола Брауна, потому что я нашел его любимый аранский свитер – подарок на день рождения, который он носил до тех пор, пока пояс не расползся, а манжеты не перестали доходить до запястий. Ошибки быть не могло: я разглядел его имя сзади на вороте.

– Почему он не взял свитер с собой? – удивился я, и Лоуренс с Уильямом согласились, что это странно. Но потом мы рассудили, что зимние вещи в Маргейте ни к чему. Зачем теплый свитер там, где всегда солнечно, где можно объедаться сахарной ватой и в любое время купаться в море?

В дождливые дни дождь хлестал по папоротникам в саду, качал вайи туда-сюда, расплескивался по камням, стекал по зеркальному шару. Падая на высокую каменную стену, капли разбивались об осколки стекла веером брызг. Мы закрывали глаза и слушали, представляя, что мы на пляже. Насколько тише стало в приюте без других мальчиков, говорили мы, какими они были шумными. Мы могли выбрать себе любую из спален, хоть наверху, хоть внизу, раз

уж многие теперь пустовали – матери сами нам это предложили. Разве мы не хотим разойтись по разным комнатам? Насладиться уединением? Особенно учитывая, что я плохо сплю? Но нет. Нет. Мы решили остаться вместе.

* * *

Когда темно-красная машина вкатилась на подъездную дорожку и солнце блеснуло на фигурке рычащего ягуара на капоте, я вскочил со своего диванчика в оконной нише библиотеки.

– Приехал! – выкрикнул я.

– Входная дверь! – велела Утренняя мама, и вся наша троица поспешила за ней в главный холл, пока она сбрасывала на ходу домашний халат и, заглядывая в одно из старых темных зеркал, подкрашивала губы и поправляла рыжеватые локоны.

Она оглядела нас с головы до ног.

– Носки! – скомандовала она.

Мы подтянули носки.

– Волосы!

Мы пригладили вихры.

– Рубашки!

Мы заправили торчащие края рубашек.

– Уильям, почему у тебя все пальцы в чернилах? Ладно уже... Отмываться все равно поздно. В ряд, встаньте в ряд. Ну-ка быстрее.

Мы выстроились у подножия лестницы, и грифон на столбе уткнулся мне в спину своим раскрытым клювом. Семья, которая первой жила в этом доме, смотрела вниз с потрескавшегося портрета. В нашей нынешней игровой за столом, накрытым к вечернему чаю, сидела дама в розовато-лиловом шелковом платье с розочками и оборками, с отороченными белым кружевом рукавами. Она держала за талию маленькую девочку, которая негигиенично стояла прямо на скатерти, – мы решили, что это, должно быть, Марта Эмили Филлипс с потускневшей вышивки, ожидающая возвращения милого облика. Слева от них, если присмотреться, можно было различить каминный портал с серыми прожилками, выкрашенный под мрамор, в камине пылало настоящее пламя, потому что до появления газа было еще далеко. Маленький мальчик в платье удерживал спаниеля, пытавшегося обнюхать тарелку с тортом, а другой мальчик, тоже в платье, тащил за собой на веревочке деревянную лошадку. Позади этого второго мальчика, глядя его по золотистым волосам, стоял джентльмен. Мы часто смотрели на его руку, на ласковые пальцы, на то, как они охватывали головку ребенка. Рука отца.

Улыбаясь самой очаровательной из своих улыбок, Утренняя мама открыла дверь:

– Доктор Роуч, добро пожаловать.

К тому времени ему было, наверное, лет восемьдесят, но он проворно выбрался из машины, держа в одной руке сумку, а второй откидывая со лба густые серебристые волосы. Как обычно, на нем был костюм-тройка, который выглядел на размер больше нужного и висел на его худощавой фигуре.

– Ах, как приятно снова подышать свежим воздухом, – отозвался он, закрывая глаза и делая глубокий вдох. – Лондон – выгребная яма, и Берлин ничуть не лучше.

За ним из машины стрелой выскочил фокстерьер и взбежал по ступенькам.

– Привет, Синтия, душка! – сказала Утренняя мама. – Какая же ты резвая!

Она наклонилась погладить собаку, хотя терпеть ее не могла, потому что та рвала ее чулки.

– Мальчики, – поприветствовал нас доктор, по очереди пожимая нам руки, но осторожно – вдруг у нас что-то болит или мы чувствуем себя неважно. Он никогда не помнил, кто какой

цвет носит, и не делал вид, что может отличить нас друг от друга. За это мы его и любили. – Как у нас дела сегодня?

– Хорошо, спасибо, – сказали мы, потому что это было вежливо и потому что большего сейчас от нас и не ждали.

– Да вы выросли как минимум на фут. Гиганты! Чем это вас таким кормят? А? Такие вопросы ответа не требовали.

– Прошу, – сказала Утренняя мама, жестом приглашая его в оружейную, где на многоярусной подставке были расставлены кусочки кекса “данди”, пирожные с помадкой и имбирные печенья. С угощениями для доктора Роуча она всегда очень старалась.

Мы пользовались оружейной только в дни визитов доктора Роуча, а в остальное время бывать там строго запрещалось, хотя Дневная мама каждую пятницу ходила протирать от пыли фарфоровых лошадок и листья филодендрона. В высоких неглубоких витринах, стоявших вдоль одной из стен, больше не было оружия, но на потертой бархатной обивке остались вмятины от прикладов, а в ящиках для патронов перекатывалось несколько свинцовых дробинок. Еще мы нашли старый журнал учета трофеев, завалившийся за нижний ящик. В нем перечислялась вся дичь, которую подстрелили первые хозяева дома, страница за страницей шли куропатки, фазаны, тетерева, зайцы, лисы, олени. Помню, однажды Ричард Джонс пробрался в оружейную, расставил фигурки лошадей в непристойные позы и сломал одному из жеребят тонкую ножку, что кончилось огромным скандалом. Утренней маме пришлось отправить жеребенка в Лондон, чтобы его незаметно починили, но место склейки все равно было видно.

Доктор Роуч уселся на парадный диван, обтянутый ситцем, и взял кусочек кекса.

– То, что надо. Не церемоньтесь, ребята, угощайтесь.

Пока Утренняя мама разливала кофе, мы набросились на пирожные с помадкой, не обращая внимания на вызванную Заразой тошноту и кусая мягкую розовую глазурь, чтобы поскорее добраться до маслянистого бисквита. Блаженство.

– Синтия, фу! – прикрикнул доктор Роуч, когда собачка попыталась вскарабкаться на парадный диван. – Фу. – Она устроилась у его ног, и он скормил ей кусочек кекса. – Знаю, что ей нельзя. Но вы только посмотрите на эту мордашку.

Мы все посмотрели на мордашку Синтии.

– Она ведь... – начала Утренняя мама. – Она... другая?

– Мне было интересно, заметите вы или нет, – сказал доктор Роуч.

Я присмотрелся повнимательнее – и Синтия действительно показалась мне другой. Шерсть более шелковистая, глаза блестят ярче. И как будто похудела.

– Иди сюда, девочка. – Лоуренс поманил ее, шевеля пальцами у самого пола, но она не стала подходить к нему, как подходила всегда, чтобы ей почесали спинку и пожали лапу.

– Ей шел второй десяток, и организм начал отказывать, – сказал доктор Роуч с едва заметной дрожью в голосе. – Мне пришлось принять очень трудное решение.

Он откашлялся, поправил жилет. Когда они с Утренней мамой обменялись взглядами, я понял, что они хотят защитить нас от правды, а правда – это смерть.

– Но вот же она, – сказала Утренняя мама. – Хвост торчком, глаза горят.

– Вот она, – подтвердил доктор Роуч. – Ей почти год.

Значит, это другая собака. Новая Синтия.

– Что? – не понял Лоуренс.

Мы с Уильямом переглянулись и закатили глаза.

– Она просто выглядит так же, – сказал я.

– Что? – повторил Лоуренс, но мы видели, что до него начало доходить.

– Это был самый гуманный выход, – сказала доктору Роучу Утренняя мама. – Вы заботились о ней как могли.

– Да, безусловно, самый гуманный выход, – подтвердил он. – И мне действительно кажется, что она все еще со мной.

Собачка запрыгнула к нему на колени, и он потрепал ее рыжие уши.

– Очень надеюсь, что мне хватит времени на этом свете, чтобы присмотреть за ней. Эгоистично ли я поступил, что завел ее в таком преклонном возрасте? Даже не успев попрощаться с той, первой? Это жестоко, да?

– Вовсе нет, – сказала Утренняя мама.

Доктор Роуч приезжал в “Капитана Скотта” раз в два месяца на протяжении всей нашей жизни. Он был запечатлен на многих наших детских фотографиях: то слушает наши сердца, то заглядывает нам в рот, то берет у нас кровь, то сияет улыбкой на заднем плане, как дедушка, пока мы пытаемся поймать Синтию за хвост. Он сажал нас к себе на колени со словами: “Дайте-ка я вас посмотрю, мои крольчата”, и мы чувствовали прохладу его руки у себя на затылке. Когда мы стали немного постарше, он разрешал нам постукивать себя по колену молоточком для проверки рефлекса, сначала замирая, а потом резко дергая ногой, чтобы рассмешить нас. Мы знали, что он ездит по всей стране и бывает в других приютах “Сикомор”, но нам не хотелось ни с кем его делить. Для нас он был только нашим.

– Можно нам погулять с Синтией в саду? – спросил Лоуренс.

– Конечно, – отозвался доктор Роуч. Ему как раз нужно было время, чтобы поговорить с Утренней мамой о наших симптомах и лечении и просмотреть записи за последние два месяца.

– Синтия! Синтия! – позвал Лоуренс, снова пошевелив пальцами, но она, похоже, не знала своей клички, поэтому он подхватил ее на руки и вынес на улицу.

Когда мы выходили из комнаты, Утренняя мама открыла “Книгу снов”, а доктор Роуч достал блокнот и ручку.

– Ну-ка, поглядим, чем вы там занимались во сне! – бросил он нам вслед. Его всегда это очень интересовало, однажды он сказал, что у него целый отдел сотрудников, изучающих наши сны, на что Утренняя мама заметила, что это вовсе не повод нам возомнить о себе невесть что.

Сад был полон пчел, которые сновали в буддлее и лаванде, заползали в наперстянки и выползали обратно. Поросшие мхом стекла старой теплицы – опасной и поэтому запретной для нас – горели изнутри ярко-зеленым светом. Кисти глицинии свисали с ветвей, точно перьевые боа, а островки розовых гвоздик с зазубренными лепестками источали приятный особенный аромат. Под защитной сеткой от насекомых в огороде подрастала капуста: без сетки гусеницы проели бы ее насквозь, и все труды пропали бы зря. Было бы до слез обидно, правда же? Птицы опускались на каменную стену, усаживались прямо на острые сверкающие осколки и глядели по сторонам – они были очень легкие, и поэтому им не было больно. Потом они перелетали на дубы и каштаны и клевали шарики из семян, которые мы подвесили к веткам. Мы слепили их вместе с Дневной мамой на День рукоделия, когда она объясняла, что надо бережно относиться к дикой природе. Мы натерли сало, смешали его с маком, льном, овсом, просом и кукурузой и мяли, пока эта масса не становилась мягкой и липкой от тепла наших рук. Птицам шарики нравились, они теперь не голодали зимой, и мы знали, что сделали доброе дело.

Лоуренс нашел палку, бросил ее, чтобы Синтия принесла, и вскоре она сообразила, чего от нее хотят. Ему не хватало сил зашвырнуть палку далеко, но Синтия все равно уносила ее вперед с невиданной быстротой, через несколько секунд возвращалась с добычей, клала ее к ногам Лоуренса и выжидательно смотрела.

– Можно мне попробовать? – спросил Уильям, и, конечно, Лоуренс тут же протянул ему палку, потому что такой у него был характер.

Уильям замахнулся, спросил: “Готова, девочка? Готова?” – и все тело Синтии напряглось в предвкушении, а потом он дернул рукой, и Синтия рванула за палкой – которую он так и не бросил. Он покатился со смеху, а потом повторил свой трюк еще раз. И еще раз.

– Хватит, Уильям, дай ей уже эту палку, – сказал я.

– Ладно, ладно. Это просто шутка.

Он изо всех сил швырнул палку, и она исчезла в гуще папоротника.

Синтия бросилась за ней, ныряя в пышные заросли, – мы видели, как вайи дрожали, когда она шарилась в них.

– Ну и где она, а, девочка? – спросил Уильям, подбегая к Синтии.

Мы с Лоуренсом последовали за ним, но медленнее: у Лоуренса болели суставы, а я по-прежнему чувствовал слабость, и сердце у меня слегка трепыхалось. Иногда Зараза действовала на нас сильнее, чем на Уильяма. Я изо всех сил старался не думать об этих трепыханиях, ведь наши настоящие родители умерли от сердечного приступа еще молодыми, и из “Книги знаний” я усвоил, что *любая дополнительная нагрузка, особенно усиленная плохим самочувствием или болезнью, может оказаться чрезмерной.*

– Ты и правда туповатая, да? – говорил Уильям, когда мы наконец его догнали. Мы увидели, что Синтия сбила одно из наших жертвоприношений садовым богам – крошечный птичий череп, нанизанный на длинную травинку и подвешенный в зеленой чаше папоротника. – Вот же она, идиотка.

Уильям поднял палку и помахал Синтии – а потом наступил ей на заднюю лапу. Стон, который она издала, был почти человеческим.

– Ты что творишь? – возмутился Лоуренс.

– Она ударилась, – сказал Уильям. Он присел на корточки и погладил собаку, успокаивая, а она уткнулась мордочкой в его бедро.

– Да не ударилась она.

Лоуренс протиснулся мимо меня, чтобы подойти к Синтии, но Уильям подхватил ее на руки:

– Все хорошо, девочка. Ничего страшного.

– Винсент, ты же это видел? – спросил Лоуренс.

Они оба смотрели на меня, ожидая ответа.

– Я... я не знаю. Кажется, она ударилась.

– Да почему ты всегда встаешь на его сторону? – не выдержал Лоуренс.

– Нет тут никаких сторон. – Уильям поднес Синтию к зеркальному шару, и она зарычала на свое кривое отражение, вырвалась из его рук и убежала.

– Я расскажу Утренней маме, – пообещал Лоуренс.

– А я скажу, что это ты.

– Винсент меня поддержит.

– Прекратите оба! – сказал я. – Синтия вроде бы не пострадала. И хватит об этом.

Мы вернулись через прачечную, чтобы почистить обувь и не таскать грязь по всему дому. У наших ног копошился таракан, вылезший из стока в полу. Я промолчал, но Синтия начала его обнюхивать, и тогда Уильям заметил. Он подтолкнул таракана носком ботинка.

– Знаете, что я думаю? Я думаю, если я скажу Винсенту съесть таракана, он съест.

– Хватит гадости говорить, – отозвался Лоуренс.

– Но ты же сделаешь это, правда, Винсент?

– Нет!

– Нам пора возвращаться, – сказал Лоуренс. – Нас ждут.

Он всегда старался соблюдать правила – так ему было спокойнее.

– Конечно. Как только Винсент закончит трапезу.

Уильям поднял таракана и протянул его мне. Гладкий панцирь блестел, а тонкие, как волосинки, усы шевелились – таракан пытался сориентироваться.

И я взял эту дрянь у брата.

И даже когда Лоуренс схватил меня за руку со словами: “Не надо, не надо”, я закрыл глаза, положил ее в рот и проглотил.

* * *

После этого мы поднялись в нашу комнату и разделись до трусов, чтобы доктор Роуч мог нас осмотреть. У него были очень ласковые руки – маленькие, розовые, прохладные, но никогда не холодные.

– Ну-ка, ну-ка, поглядим на моих последних крольчат из “Капитана Скотта”, – сказал он. Лоуренс помрачнел.

– В чем дело, дружище? – спросил доктор Роуч.

Я знал, что будет дальше, потому что Лоуренс годами беспокоился об одном и том же.

– В том, что мы последние. Что происходит со всеми остальными сиротами, которые поймали Заразу? Они просто умирают?

– Конечно, нет, – сказал доктор Роуч. – Я так же, как и вы, расстроен, что мы не можем принимать в приюты новых детей, но предыдущее правительство прекратило финансирование, а новое не собирается его возобновлять.

Лоуренс слегка улыбнулся, но я знал, что он все равно волнуется – у него всегда было доброе сердце. Мы с Уильямом тайком дразнили его за это. Теперь мне стыдно.

Как обычно, во время осмотра доктор Роуч болтал без умолку: его внучка, наша ровесница, хочет стать врачом, а он пытается ее отговорить, потому что в их семье и так полно врачей и она должна понять, что, став врачом, ты им останешься на всю жизнь – обратного пути нет. Она для такого не создана, сказал он. Характер неподходящий. Он не любит рушить чужие мечты, но лучше узнать правду раньше, чем позже, правда же? Пока ты еще не выбрал неверный путь?

Эти вопросы тоже не требовали ответов. Утренняя мама наблюдала через дверь, как он водит стетоскопом нам по груди и спине и заглядывает нам в уши и в глаза, а потом мы легли и он помял наши животы, проверил шеи, взял кровь. Он всегда брал кровь сначала у Лоуренса, чтобы долго его не мучить – Лоуренс терпеть не мог иголки. Я заметил, что мокрое пятно на потолке стало больше. Оно напоминало очертания какой-то неизвестной страны. С каждым новым дождем оно только увеличивалось, но денег на починку крыши не было.

Доктор Роуч спросил, прошли ли головокружение и тошнота, хотя мы знали, что Утренняя мама уже пересказала ему все наши жалобы.

Почти, сказали мы, довольные собой. Нам ужасно не хотелось разочаровывать его своим плохим самочувствием.

Бывают ли у нас головные боли, температура, ощущение удушья?

Нет, ответили мы, еще больше довольные собой.

А как насчет страхов? Кошмаров по ночам?

Мы покачали головой.

– У тебя до сих пор болят суставы, Винсент? – спросил он.

– Суставы болят у Лоуренса, – напомнила ему Утренняя мама. – У Винсента слабость, периодическая бессонница и учащенное сердцебиение, а Уильям то и дело набивает синяки.

– Ах да, – сказал он. – Давайте-ка посмотрим на синяки.

Уильям поднял руку, чтобы показать доктору Роучу пятна на внутренней стороне.

– Что-нибудь болит?

– Нет.

– Отлично, отлично. – Он повернулся к моей кровати: – Винсент, а как насчет твоей слабости? Не проходит? Нехорошо, дружище, правда же? Так, а ну-ка надави изо всех сил на мою руку. Сопrotивляйся мне. Сопrotивляйся. Хм. Теперь в другую сторону.

– Синтия поранила лапу, – выпалил Лоуренс.

– Что? – Доктор Роуч отпустил мою руку, а я так сильно давил, что повалился набок. – Почему же ты сразу не сказал? Синтия! Синтия! – Собачка выбралась из-под кровати Лоуренса, и доктор опустился на колени и проверил ее лапы. – Какую именно лапу? *Какую?*

Мы поняли, что он спрашивал нас, а не Синтию.

– Правую заднюю, – сказал Лоуренс.

Доктор Роуч осторожно приподнял лапу, ощупал ее всю, проверил, нет ли крови. Поводил ею взад-вперед. Потом сел на мою кровать и подозвал Синтию к себе, и она перебежала всю комнату не хромая.

– В каком смысле поранила лапу? – спросил он.

– Ну... – начал Лоуренс, и я, поймав его взгляд, едва заметно покачал головой. – Я не знаю точно. Мы только слышали, как она взвизгнула.

– Но ты же знал, какую лапу.

– Ну, – повторил Лоуренс и запнулся.

– Она ее лизала, – сказал я. – Видимо, наступила на острый камень. Или на колючку.

Что-то дрогнуло у меня внутри. Пошевелило тонкими, как волосинки, усами.

Доктор Роуч пристально посмотрел Синтии в глаза, словно ожидая, что она заговорит, но Синтия молчала. Он вздохнул. Открыл свою сумку и протянул Утренней маме коробку со стеклянными ампулами. Значит, в этом месяце инъекции.

– По одной каждое утро в ягодичную мышцу.

Лоуренс снова помрачнел.

– Разве ты не хочешь выздороветь, дружище? – спросил доктор Роуч. – Я думаю, что это поможет. Надо пробовать еще и еще.

Ему пора с нами прощаться, сказал он, потому что он летит в Дрезден на важную конференцию, – он часто ездил за границу, делясь результатами своих исследований с другими врачами в надежде вылечить Заразу.

На следующий день, после того как мы рассказали о своих снах, Утренняя мама достала из коробки три ампулы и переломила их стеклянные шеи. Она набрала лекарство в шприцы, а мы повернулись на бок и спустили пижамные штаны, обнажая бедра. Перед тем как ввести иглу, она говорила: “Сейчас будет маленький укус”, чтобы боль не оказалась для нас неожиданностью. Потом она отправилась на кухню готовить завтрак, мы пошли делать утреннюю зарядку, а вернувшись в столовую, обнаружили, что на длинном сосновом столе, за которым мы всегда сидели, ждут кружки с какао. Уильям насыпал себе целую кучу сахара, а Лоуренс не добавил сахара вообще. Они оба пили свое какао горячим, обжигаясь, а я ждал, пока мое затянется пленочкой. Потому что мы не были одинаковыми. Не были.

Нэнси

Девочка по имени Нэнси старалась не шуриться. Старалась не двигаться.

– Ну и где же наша ослепительная улыбка? – спросил отец.

Ее рука уже устала держать лейку в форме слоника над клумбой с васильками, но она смотрела в камеру и терпела как могла.

– Хорошо! – сообщила мать. – Наклони голову чуть-чуть влево. Еще чуть-чуть. Вот так.

От бликов на стеклянных стенах теплицы болели глаза. В саду было слишком жарко, солнце светило слишком ярко, и она вылила на васильки столько воды, что они уже утонули, а землю вокруг корней размыло. Но чем быстрее отец закончит съемку, тем быстрее она сможет вернуться в прохладный дом, снять клетчатые бриджи и белую блузку, которые нельзя пачкать, и выпить газировку, украшенную мятой, как взрослый коктейль.

– А теперь ты смеешься, – скомандовала мать. – Папа очень смешно пошутил, и ты просто умираешь со смеху.

Нэнси даже не знала настолько смешных шуток, но послушно схватилась рукой за грудь, как будто ей не хватает воздуха.

– Отлично! – выкрикнула мать. – Кеннет, смотри! Ты снимаешь? Умница, зайка.

Она подошла, поправила атласный бант в волосах Нэнси и попросила ее сесть на траву, скрестив ноги и подперев подбородок кулаком левой руки. Но осторожно, не ерзать сильно. Бриджи пачкать нельзя.

Когда пленка закончилась, отец помог Нэнси подняться на ноги, а мать взяла лейку в форме слоника и повесила на специальный крючок в сарае.

– Получилось что-нибудь? – спросила Нэнси. – Как ты думаешь?

– Кадры будут что надо, – сказал отец и заправил прядь волос ей за ухо.

Нэнси надеялась, что снимки вышли удачными. Вернувшись из фотоателье, родители будут внимательно их рассматривать, отмечая, как она растягивает губы в улыбке, как морщит нос, когда смеется. Заметна ее ямочка на щеке или нет. Через то ли плечо перекинуты ее длинные черные волосы.

– Покрути сережки, зайка, – напомнила мать.

Со дня рождения Нэнси прошло несколько месяцев, но уши по-прежнему болели. Она поворачивала сережки каждые несколько дней, чтобы дырочки не зарастали.

– Что будешь на ужин? – спросила мать, когда они вернулись в дом, где полупрозрачный тюль смягчал свет, льющийся из окон, и размывал все происходящее на улице.

– Тосты с фасолью, – сказала Нэнси, хотя они ей не очень нравились.

Винсент

В июне, через три месяца после первого сна Лоуренса о девочке в лесу, я тоже начал видеть ее во сне. Она бежала между деревьями в длинном воздушном платье, спутанные волосы развевались у нее за спиной, и их кончики задевали мои протянутые руки. Сквозь листву пробивался лунный свет, и ночные птицы окликали меня человеческими голосами.

– О чем они говорят? – спросила Утренняя мама.

– Я... я не помню. Я кричу девочке, чтобы она остановилась, предупреждаю, что она упадет. Сначала это игра, но потом уже не игра.

– Почему не игра?

– Нам нельзя быть на улице так поздно. Никто не знает, где мы.

– У нее есть имя?

– Нет. Никакого имени. А потом она спотыкается и падает. Я пытаюсь помочь ей, а она плачет и плачет. И на этом все.

Утренняя мама записала мой рассказ.

Мы с братьями понятия не имели, кто эта девочка, и решили, что просто выдумали ее – собрали по кусочкам, взяв что-то от деревенских девочек, что-то от Евы из “Книги знаний”, что-то от моделей под схемами для вязания из “Женского мира”, куда мы украдкой заглянули пару раз, хотя журналы, как и газеты, предназначались только для взрослых. Это ведь так и работает, да? Чуть-чуть отсюда, чуть-чуть оттуда? Так сказал нам доктор Роуч, а уж он-то, раз у него целый отдел сотрудников, должен знать. Сны Лоуренса об этой девочке были приятнее моих – они с ней бежали по весеннему лесу, и солнце освещало ее обнаженную кожу, белую, как зубная паста, а среди цветущего терновника жужжали шмели.

Только Уильям боялся этой девочки и своих снов о ней. Только Уильям никогда о них не рассказывал. Я изо всех сил старался его подбодрить, напоминая, что девочки не существуют, – невыносимо было видеть его таким подавленным. Я бы что угодно сделал, лишь бы ему помочь.

Сердце у меня тогда по-прежнему трепыхалось, и такую слабость я раньше никогда не испытывал, иногда по утрам мне еле хватало сил выбраться из постели. Я бы с удовольствием остался там на весь день, дремал бы под вязаным одеялом, возвращаясь обратно в свои сны, чтобы поймать девочку, когда она будет падать, – в этот момент мне всегда становилось жутковато, – но я заставлял себя встать. Нельзя было позволять себе лениться, потому что такой настрой позволяет Заразе победить, а если она победит, ты сам же и будешь виноват. Каждый день в любую погоду я первым делом надевал шорты и майку и отправлялся с братьями в сад на утреннюю зарядку. После разминки мы доставали руками до пола, отжимались и прыгали “звездочкой”, по очереди считая до десяти, а потом бежали круг за кругом вдоль каменной стены, пока не начинали задыхаться. Если даже Лоуренс мог бежать, несмотря на больные суставы, то и я мог.

На уроках на той неделе мы раскрашивали контурные карты, которые Утренняя мама начертила на бумаге для выпечки, взяв за основу образец из вкладыша в “Книге знаний”. Мы разложили их на большом занозистом столе, служившем нам рабочим местом в Дни рукоделия, но бумага все время скручивалась в рулон, так что приходилось придерживать ее левой рукой, а раскрашивать правой. Уильям все перепутал и начал раскрашивать океаны вместо материков. Ну а что, сказал он, как тут отличить воду от суши, если видишь только очертания? И это ведь была чистая правда – у моего брата всегда был особый взгляд на мир. Утренняя мама сказала, что не может дать ему новую карту, потому что у нее нет запасных, они не растут на деревьях, а Уильям, улыбаясь своей прекрасной улыбкой, спросил: разве они не из бумаги? На это Утренняя мама ответила, что видит, к чему он клонит, но у нее нет на это времени.

Она написала на доске *АНТАРКТИДА* и дважды подчеркнула это слово, а потом взяла с полки шестой том “Книги знаний” (“СЕШ – ФУР”) и открыла “Бессмертную историю капитана Скотта” – одну из наших любимых, поскольку мы были жителями “Капитана Скотта”. Пока мы заполняли белыми, серыми и голубыми штрихами контур Антарктиды в нижней части наших карт, она читала:

– 29 марта 1912 года в маленькой палатке вдали отсюда, на замерзшем антарктическом континенте, умирали трое мужчин, трое героев, добравшихся до Южного полюса. – Нам нравилось воображать себе эту маленькую палатку, а еще нам нравился фрагмент последнего письма Скотта: – ...Навеки оставшегося в истории прощания с Англией, в котором он писал: “Я лично не жалею об этом путешествии. Оно показало, что англичане могут переносить лишения, помогать друг другу и встречать смерть с такой же величавой храбростью, как и в былое время. Мы пожелали отдать свои жизни за это дело ради чести своей родины”⁴. Но не будем забывать и о его товарище, капитане Отсе, – продолжала Утренняя мама. – Получив обморожение рук и ног, Отс пожертвовал собой, чтобы спасти остальных. Он знал, что из-за него экспедиция продвигается очень медленно, поэтому свернул свой спальный мешок из оленьей кожи, сказал спокойно и вежливо: “Пойду пройду. Может быть, вернусь не скоро” – и вышел из палатки в снежную бурю навстречу верной смерти. – Тут Утренняя мама улыбнулась. – Истинный британец. Пример для всех нас. Никаких жалоб. Никакого лишнего шума.

Я продолжал штриховать карандашами одни и те же участки, накладывая серый на голубой, белый на серый, чтобы создать впечатление бесконечного снега и бесконечного льда, пока бумага не заблестела, как яблочная кожура. Когда я закончил, у меня устала рука.

И тут я увидел это.

– Утренняя мама? – сказал я, поднимая вторую руку.

Она прервала чтение последних наставлений Скотта его жене насчет сына (*Больше всего он должен остерегаться лени, и ты должна охранять его от нее. Сделай из него человека деятельного*).

– Да, Винсент?

– Здесь две Новые Зеландии.

– То есть?

Я показал ей свою карту, указав на Новую Зеландию с правого края и на Новую Зеландию с левого края.

– И посмотри, два российских полуострова.

У нее был растерянный вид.

– Здесь какая-то ошибка.

– Это после того, как они подписали Гетеборгский договор? – спросил Уильям. – Когда Гитлера разорвало на кусочки и одни страны получили больше земель, а другие меньше?

Утренняя мама начала листать восьмой том “Книги знаний” (“Предметный указатель”), как будто могла найти там ответ.

И почему мы не замечали этого раньше? Две Новые Зеландии и два российских полуострова, выступающих в два Беринговых моря. Неужели такое бывает? Могут ли в мире быть два одинаковых места? Все горы, дороги и реки точь-в-точь такие же, все магазины и дома, все люди?

– Ага, – сказала Утренняя мама, найдя в “Предметном указателе” оригинальную карту, развернула ее и постучала пальцем по странице: – Вот в чем дело. Ну конечно. Карта просто показывает нам, что эти края сходятся. Ее нужно представить в виде шара.

– Как зеркальный шар в папоротниковых зарослях, – сказал Лоуренс.

– Совершенно верно! Именно так.

⁴ Здесь и далее цит. по переводу В. А. Островского с небольшими изменениями.

– Или как групповое фото, – добавил я. – На нем два Уильяма.

Мы повернулись посмотреть на фотографию, которая висела рядом со шкафом с инструментами. Несколько секунд мы молчали.

– Думаю, это не совсем то же самое, что карты, – сказала Утренняя мама.

– Но это было забавно, – отозвался я и толкнул Уильяма локтем: – Правда же?

Уильям, хмурясь, смотрел на свою карту и ничего не ответил. С миром что-то было не так.

– И что это значит? – спросил я его в перерыве. Он закрасил свою Антарктиду кое-как, а поверх накалякал крошечную фигурку, распластанную на льду и вцепившуюся в кость.

– Ездовая собака загрызла одного из пони, – сказал он.

– Утренней маме лучше этого не видеть.

– Зато исторически достоверно.

Я опустил голову на руки и промолчал. Меня вдруг накрыла ужасная усталость, ужасная слабость.

– Тебе плохо? – спросил Лоуренс и ласково погладил меня по волосам.

– Дурак. Он тебе что, младенец, что ли? – отозвался Уильям, поэтому я сел прямо и попытался обратить все в шутку:

– Пойду пройду. Может быть, вернусь не скоро.

Как раз в этот момент вернулась Утренняя мама с нашим вторым завтраком и лекарствами – и, конечно, услышала меня, потому что она всегда все слышала. Я ожидал выговора, поднятой брови, но она сказала:

– В последнее время тебе нелегко приходится, Винсент.

Я кивнул.

Она освободила меня от уроков и велела пойти отдохнуть на кушетке в игровой, но это не помогло, как не помогли супы и бульоны, которые Дневная мама готовила для меня в последние дни, и тосты без корочки, нарезанные тонкими полосками. Я даже не притронулся к пирогу с патокой – булочник мистер Уэбб передал его специально для меня, – хотя и признал, что это было очень мило с его стороны. В День курицы, мой любимый день месяца, я не смог даже оторвать зубами мясо от кости. Дневной маме пришлось резать его на маленькие кусочки и кормить меня.

– Да уж, – сказала она, – похоже, когда я все-таки выиграю “Найди мяч” и куплю себе домик, толку от тебя будет мало. Мне нужны крепкие молодые рабы, которые будут втаскивать моего аллигатора в ванну. И чистить ему зубы два раза в день.

Она всегда притворялась, что нуждается в нашей помощи, но на самом деле, с ее-то крепкими ногами и широкими ладонями, была сильнее любого из нас. Она никогда не болела.

Моих братьев Заразы тоже донимала сильнее обычного. У Уильяма по всей груди пошла крапивница, он расчесывал себя до крови, и Дневная мама постоянно оттирала пятна с его маек, замачивая их на ночь в холодной воде. Лоуренс пожаловался, что у него першит в горле, и она приготовила ему горячее питье с кубиком лимонного сока, но на следующий день он сказал, что горло как будто сейчас сожмется, а потом у него зачесался язык и распухли губы. Утренняя мама сразу сделала ему укол – не нашего лекарства, а чего-то другого – и вызвала доктора Роуча, хотя тот был у нас всего неделю назад. Время от времени доктор Роуч приезжал пораньше, если от Заразы нам становилось совсем плохо, если мы оказывались в серьезной опасности из-за того, что не могли больше есть овощи, делать утреннюю зарядку и сохранять правильный настрой. На этот раз он явился уже через пару часов, шины темно-красного “ягуара” взметнули гравий с подъездной дорожки, и новая Синтия пулей вылетела из пассажирской дверцы, будто почуяв неладное. К тому времени Лоуренсу уже стало лучше, но доктор Роуч, недолго думая, пришел к выводу, что инъекции не помогают и что нужны другие лекарства, более действенные, чтобы мы пошли на поправку. Он дал нам несколько канареечно-желтых

таблеток, которые полагалось пить со следующего дня, и сказал, что Утренняя мама правильно сделала, что вызвала его. Потом он свистнул Синтии, она запрыгнула обратно в “ягуар”, и мы помахали им на прощанье с крыльца.

– Винсент, как ты себя чувствуешь? Сможешь с нами позаниматься? – спросила Утренняя мама, и я ответил, что попробую, потому что был четверг, а это означало, что нам предстоял урок этики.

– Умница, – сказала она. – Тогда иди в библиотеку.

– Утренняя мама, – начал Лоуренс, доедая несколько изюминок, оставшихся с перерыва, пока мы рассаживались по местам, – кажется, у нас был мальчик, который умер, когда у него перехватило горло и начал чесаться язык? Пару лет назад?

– Вроде не было такого.

– Но я помню, как у него распухли губы и он почти не мог говорить, другие мальчики шутили, что он похож на золотую рыбку, а потом он умер. Джозеф, Джейсон, как там... Его имя точно начиналось на “Дж”.

– Я правда не помню, – сказала Утренняя мама.

И она написала на доске вопрос для урока этики: *В здании пожар. Вы можете спасти оставшегося там ребенка или вынести ценную картину и продать ее, чтобы на вырученные деньги спасти от голодной смерти двадцать детей. Что вы должны сделать и почему?*

Мы и раньше обсуждали подобные вопросы – например, бывают ли случаи, когда правильно убивать? Жертвовать одним ради многих? Мы так и не могли прийти к правильному ответу, что само по себе было правильным ответом.

* * *

Уснуть не получалось. Я скинул одеяло и взбил подушку, пытаюсь прогнать из головы все мысли. Снова натянул на себя одеяло, лег на бок, перевернулся на спину. Ничего не помогало. Лоуренс и Уильям дышали ровно и спали, по обыкновению, как убитые, и я ненавидел их за это. Новое лекарство мы пили уже почти неделю, и хотя сердце у меня больше не трепыхалось, а слабость немного отступила, Зараза по-прежнему не давала мне спать.

Я вздохнул и вылез из постели. Ступни коснулись тряпичного коврика, который Дневная мама сплела из лоскутков – маленьких обрезков ткани, остававшихся от шитья штанов, рубашек и пижам. Узелок от голубой полосатой рубашки Филипа Коула впился в подошву, он немного выпирал, и обычно я старался на него не наступать. Филип надел эту рубашку в день отъезда в Маргейт и так нервничал, что застегнул пуговицы наискось. Утренняя мама ему помогла – нельзя же отправлять наших мальчиков в люди похожими на оборванцев! Что люди подумают?

– Не расстраивайся, скоро будет и твоя очередь! – крикнул мне Филип, забираясь в фургон.

Уильям что-то пробормотал во сне – разобрать было невозможно, – а Лоуренс рассмеялся, потом оба снова затихли. Я раздвинул шторы. Зеркальный шар в саду сиял, как упавшая луна, и вся зелень была черной – черные папоротники, черные цветы, черные ивы, вьющиеся, как черный шепот. Где-то там прятались и наши маленькие жертвоприношения садовым богам, и ямы, которые мы вырыли в поисках сокровищ. Не знаю почему, но в голове у меня возник визг Синтии, когда Уильям наступил ей на лапу – не случайно, я это знал. Я знал. Он делал то же самое и со мной, наступал ботинком на мою босую ногу, и я тоже вскрикивал от боли. Об этом я никому не рассказывал – почему-то я чувствовал, что жестокость Уильяма надо хранить в тайне.

– Я не понимаю, зачем ты его выгораживаешь, – сказал однажды Лоуренс. Он вытирал мне волосы полотенцем после того, как Уильям сунул меня головой под кран.

– Потому что он мой брат, – ответил я.

– Я тоже твой брат.

– Иногда он творит глупости. Сначала делает, потом думает. Вот и все.

Лоуренс не ответил. Он просто продолжал вытирать мои волосы, аккуратно, как и всегда, а потом повесил полотенце на место.

Лоуренс никогда не плевал в мои сэндвичи, как Уильям, никогда не подкладывал червей в мои тапочки, не выкручивал мне запястья до боли и не пинал меня под коленки так, что ноги подкашивались. Именно Уильям порвал парашют на пластиковом солдатике из моего единственного счастливого пакетика, и теперь солдатик камнем падал на землю. И все равно я любил Уильяма больше. Я до сих пор не могу этого объяснить, но, возможно, вы поймете – возможно, вы тоже кого-то так любили.

За каменной стеной, невидимые в темноте, по вересковой пустоши бродили пони. Иногда днем мы наблюдали из окна спальни, как они обнюхивают своих жеребят и пасутся среди папоротника и утесника. Мы видели их и в деревне: они шли по главной улице, бодая подвесные кашпо с петуниями и настурциями, перекрывали каменный мост. Деревенские просто не обращали на них внимания, как и на нас, но по ночам мы знали, что пони где-то рядом, мы слышали их ржание, ощущали их мускулистую мощь. Во время природоведческих прогулок Дневная мама рассказала, что они не дикие в полном смысле этого слова, а принадлежат местным жителям, которые позволяют им бродить где вздумается, – однако нам они казались дикими, и именно так мы о них и думали. Однажды, когда мы лежали в кроватях и ждали, пока нас сморит сон, Уильям спросил: “Как думаете, можно их поймать? Запрыгнуть на них и ускакать?” Но трогать пони было нельзя: они могли укусить нас, лягнуть, затоптать.

Лоуренс и Уильям дышали ровно, их веки подрагивали. Я задернул шторы и прокрался в коридор.

Через две комнаты от нас, в верхней гостиной, которой мы теперь редко пользовались, сидела и вязала Ночная мама. Ее спицы постукивали в четком ритме, а радио у самого локтя тихо играло что-то классическое – сплошь расплывчатые звуки скрипок. Чучело шуки свирепло смотрело из своих камышей.

– Я опять не могу заснуть, – сказал я, и она подняла глаза и кивком указала на кресло напротив.

– Тебе не холодно? Может, прибавить газу?

– Нет, – сказал я.

– Нет, не холодно, или нет, не прибавлять?

– Не холодно.

– И?..

– И спасибо.

– Так-то лучше.

Маленькими детьми мы толком не знали Ночную маму. Ее смена начиналась в девять вечера и заканчивалась в пять утра, а все остальное время она проводила в своей комнате или в деревне, поэтому долгие годы оставалась для нас призрачной фигурой – кем-то, кто появлялся проверить температуру, если у нас был жар, или сменить белье, если мы намочили кровать. Однако, став старше, мы привыкли звать ее, когда просыпались ночью от страшного сна, – звать не вслух, чтобы не будить остальных, а нажимая на кнопку рядом с кроватью. У каждого из нас был свой маленький черный диск с надписью “Нажать”, похожий на дверной звонок, который отзывался трелью в верхней гостиной, на пульте управления загоралось имя нужного мальчика, и Ночная мама приходила. Она садилась на край кровати, открывала “Книгу снов”, и ее фонарик освещал страницу крошечным солнцем, пока она записывала наши рассказы: как мы плывем по “Речным пещерам” в “Стране Грез” и превращаемся в лед в Ледяной пещере,

как при каждом шаге фигурка из ракушек в натуральную величину скребет землю подолом острой юбки, как над девочкой без лица кружат птицы, пытаясь приземлиться ей на голову.

– Что ты вяжешь? – спросил я.

– Аранский свитер.

Она показала несколько рядов красных петель – пока только самое начало косичек внизу, из которых будет состоять основная часть.

– Для Уильяма?

– Он уже вырос из своего старого.

– Мы с Лоуренсом тоже.

– Вы будете следующие.

Ей не нужно было даже смотреть на спицы, ее руки сами знали узор. Какая же она была красивая: светло-карие глаза цвета желудей, длинные изящные руки и ноги, волнистые черные волосы, заколотые черепаховыми гребнями. Я так и видел, как она держит в тонких пальцах мундштук и смеется, сидя на яхте в каком-нибудь блистательном обществе. Утренняя мама надевала халаты в качестве защиты от меловой пыли, а Дневная мама – фартуки, на которых оставались брызги супа и рагу и пятна полироля для мебели, но Ночная мама была другой. Она носила юбки в гусиную лапку, шелковые блузки и лакированные туфли на каблуках, делавшие ее выше, чем она была на самом деле. На ее запястье поблескивали крошечные золотые часики.

– Почему ты не в ночной рубашке? – спросил я, поджимая под себя ноги. Газ обдавал нас своим теплым дыханием, и в тусклом свете поддельный каминный портал мог бы сойти за настоящий мрамор.

– Потому что ваша ночь – это мой день, – ответила она. – Мне нужно убедить свое тело, что ему нельзя спать. Нужно его обмануть.

Я смотрел, как она наматывает шерсть на пальцы, водит спицами туда-обратно. *Щелк-щелк-щелк, щелк-щелк-щелк.*

– Тебе никогда не хочется спать?

– Нет, если выспаться днем. А для этого надо, чтобы никакие мальчишки не бегали по дому, вопя как сумасшедшие.

Нам полагалось вести себя тихо с пяти утра до часу дня, чтобы не будить Ночную маму, таково было правило. Не кричать “Я тебя осалил!” в саду, не бегать друг за другом вниз по лестнице. Если мы забывали об этом правиле и начинали вопить как сумасшедшие – если что-то на нас находило и мы ничего не могли с собой поделаться, – появлялась Утренняя мама, указывала пальцем в сторону северного крыла и напоминала, что нужно держать себя в руках. “Не заставляйте меня вас записывать”, – предупреждала она.

Ночная мама закончила новый ряд петель и поменяла спицы местами.

– Есть одна история о происхождении этих свитеров, – сказала она, понизив голос. – Ты не слышал?

– Вроде нет.

– Изначально это рыбацкая одежда. Эти свитеры вязали им жены, возлюбленные, матери. В каждой семье был свой узор, чтобы если человек пропал в море, а потом его выбросило на берег некоторое время спустя, можно было опознать тело.

– А разве нельзя просто посмотреть на лицо?

Она покачала головой:

– Нет, если тело пробыло в море несколько недель. Его било о камни. Оно вздулось от соленой воды. Его объели.

– *Объели?* – переспросил я.

– Рыбы, – пояснила она, покосившись на острозубую щуку. – Ракообразные.

Я поежился.

– Наверное, это просто легенда, – сказала она.

– То, что тела объедают?

– Нет, это как раз правда. Объедают. Иногда обгладывают до костей. Нет, я про то, что разные узоры позволяли опознавать близких.

Ночная мама была просто кладезем информации, и я часто гадал, не читает ли она “Книгу знаний”, пока мы спим. Я начал даже ждать бессонницы, чтобы иметь возможность сидеть так допоздна, когда остальные уже спали, хотя и знал, что нельзя упоминать о наших разговорах, Ночная мама была очень категорична на этот счет.

Я тербил выбившуюся нитку на пижаме и представлял себе разбухшее от воды тело. Во рту песок, горло забили водоросли. Под одеждой прячутся крошечные существа, одни клешни и зубы.

– Ты сейчас дырку проделаешь, – сказала Ночная мама.

Радиоприемник у ее локтя тихо бормотал что-то о Шуберте, не закончившем свою восьмую симфонию, а потом из динамика полилась музыка – мрачные, низкие ноты.

Я наблюдал, как ее руки перебирают шерсть и спицы, *шелк-шелк-шелк*, размеренно, как машина.

– Ты похожа на маленького булочника в витрине мистера Уэбба. На человечка в белом колпаке, который постукивает ложкой.

– Это меня успокаивает, – сказала она.

– Утренняя мама назвала мистера Уэбба чудачком и немного тронутым.

– Прямо в лицо?

– Нет, это она нам сказала.

– Он добрый.

– Да, – согласился я. – Добрый.

К беспокойным струнным Шуберта присоединилась печальная и приятная мелодия – гобой, как мне показалось, или кларнет. Я кое-что читал об инструментах в “Книге знаний”.

– Почему деревенские нас не любят? – спросил я. – Кроме мистера Уэбба?

Ночная мама перестала вязать.

– Они просто другие, – сказала она.

– То есть?

– Они считают, что вы не заслуживаете основных человеческих прав.

– Но что мы такого сделали?

– Ничего не сделали. Ничего.

– Я надеялся, что мы с кем-нибудь подружимся. С мальчиками нашего возраста.

– Ты же знаешь, что вам нельзя общаться с посторонними.

– Но *почему*?

– Это опасно. Сам знаешь.

– Зараза, – сказал я, и она кивнула. – Я просто думал... – Я вздохнул. – Тогда расскажи мне о своем детстве.

– У меня было самое обычное детство. Ничего запоминающегося.

– Все равно расскажи.

Нам было очень интересно узнать побольше об обычных людях – детях с обычными родителями, которые не умерли молодыми от сердечного приступа. Это ведь понятное желание, да? Хотя нам и не разрешалось с ними разговаривать.

Ночная мама посмотрела на меня и улыбнулась тонкой, грустной улыбкой.

– Что ж, – сказала она, снова возвращаясь к вязанию, *шелк-шелк-шелк*, – может быть, если ты задашь мне конкретный вопрос, я что-нибудь припомню.

Она потянула за шерстяную нить, и клубок завертелся и покатился по паркету.

– Ладно... В какие игры ты играла?

– Ах, игры, – сказала она, удобнее устраиваясь в кресле. – Я любила крокет. Я была чемпионкой по крокету. У нас за домом была огромная лужайка, и мы с сестрой втыкали в землю проволочные воротца и убирали из травы все, что могло помешать мячу. Мы очень тщательно готовились, чтобы потом не ругаться из-за веток или камней. В основном я выигрывала, но время от времени поддавалась, потому что Эмма очень расстраивалась. Я посылая мяч совсем не в ту сторону, и Эмма восклицала: *Фрэнсис, дуручка, вот же воротца!* Я отвечала, что их толком не разглядишь. Она ведь помнит мистера Хилла? И мы вспоминали тот жуткий день, когда мистер Хилл пришел к нам в гости, зацепился ногой за воротца и плашмя грохнулся на землю. *Кровищи было! Очки вдребезги!* Поэтому вполне вероятно, что и я разок-другой могу промахнуться. А, еще кегли – в кегли мы тоже играли. Отец раскрасил их, чтобы они были похожи на нашу семью, и у нас были кегли-бабушки и кегли-дедушки, кегли-родители, а потом Фрэнсис, Эмма и наш младший братишка Реджи. Мы терпеть не могли его сбивать, зато друг друга вышибали не стесняясь. Ты же знаешь, какие они – братья и сестры. Иногда поддаются, а иногда и с ног сбивают.

Она продолжала рассказывать – о перчатках, которые они с Эммой вязали куклам зубочистками, и о коте Медовике, который ловил золотых рыбок в пруду, – да, ужасно, но такова природа вещей, – а потом незаконченная симфония закончилась и глаза у меня уже слипались.

– Пойдем, – сказала Ночная мама, отводя меня обратно в спальню. – И наши ночные разговоры останутся между нами, – напомнила она шепотом.

Хорошо, кивнул я. Голова была тяжелая, как камень. Она уложила меня в постель и поцеловала в лоб, и я почувствовал аромат ее крема для лица – свежий и прохладный, немного восковой. А потом я крепко заснул.

Министр по вопросам одиночества

Министр пристально изучала собственное отражение.

– Не могли бы вы сделать так, чтобы я выглядела немного... – Она обвела жестом свое лицо. – Ну, знаете, немного...

– Моложе? – спросила девушка-гример.

– Добрее, – одновременно с ней закончила министр.

Салфетка, заправленная под воротник, выбилась, и министр заправила ее обратно, чтобы не пачкалась одежда, откинулась на спинку кресла и попыталась не хмуриться при виде темных кругов под глазами и запавших щек. Морщины только усугубят ситуацию.

Пальцы гримера запорхали над палетками с тональной основой, румянами, тенями с блеском и без. Маленькие кругляши, которыми она пользовалась чаще всего, были вытерты в центре, как рассыпчатые цветные пластинки в коробке с красками. Министр вспомнила, что у нее в детстве была такая коробка: продолговатая плоская жестянка с изображением цирковых зверей на крышке и с округлой кисточкой внутри, слишком жесткой, чтобы можно было нарисовать что-то толковое. Что-то реалистичное. Мать ругалась: *Ты все цвета смешала, Сильвия. Кисточку надо было каждый раз споласкивать. Теперь они грязные.*

– Мы вас сейчас оживим, – говорила гример. – Скулы подкрасим персиковым, губы сделаем нежно-розовыми. Ничего кричащего. Ничего вызывающего.

– У вас есть семья? – спросила министр, пока девушка наносила и растушевывала косметику. – Я имею в виду детей.

– Нет, но у меня есть жених, – ответила девушка. На ее безымянном пальце сверкал крошечный бриллиант, который с определенных ракурсов было почти не видно. – Закройте глаза, пожалуйста.

Пока девушка колдовала над ее лицом, министр мысленно репетировала интервью. Да, им пришлось принять трудное решение. Приюты исчерпали свое предназначение – отслужили свой срок, если угодно. Это пережиток прежней эпохи, наследие прежнего кабинета министров, а нынешнее правительство больше не может оправдывать необходимость таких расходов для налогоплательщиков... и так далее и тому подобное. Тут она улыбнется и скажет, что в закрытии Проекта есть и свои плюсы, и здесь ей как министру предстоит сыграть важную роль. Воспитанники приютов – дети, совсем еще *дети* – будут переданы проверенным семьям или отдельным лицам и обеспечат своим опекунам столь важное для человеческого благополучия общение. Претенденты смогут выбрать ребенка любого цвета кожи, характера и возраста, от восьми до тринадцати лет, скажет она. И в этом нет абсолютно никакой опасности для общества. Беспроигрышный вариант.

Пока интервьюер просматривал свои записи, министр села на отведенное ей место в студии. Интервьюер тоже был загримирован, вблизи он казался едва ли не терракотным, но на экране телевизора это не будет заметно. Софиты светили прямо в лицо министру, а где-то за ними, как огромные черные насекомые, сновали операторы. Сейчас только предварительная запись, сказала себе министр, а не прямой эфир. Она втянула живот и слегка развернула корпус. После ее первого появления на телевидении ей позвонила мать и спросила, не набрала ли она пару десятков лишних килограммов.

– Нет, – ответила она.

– Правда? – воскликнула мать. – Seriously? Господи, ты выглядела необъятной. Я даже сказала твоему отцу: вылитая тетья Одри. Она умерла в сорок три года от ожирения.

– И снова здравствуйте, – произнес интервьюер. – Этим вечером, со специального разрешения Даунинг-стрит, мы освещаем тему, обычно не попадающую в заголовки: “Проект Сикомор”. Со мной Сильвия Далтон, министр по вопросам одиночества, которая сегодня подтвер-

дила слухи о намерении закрыть британские приюты “Сикомор”. Министр, на протяжении многих лет внутри приютов происходили инциденты, но с тех пор, как в прошлом году правила были смягчены и воспитанникам разрешили выходить за пределы учреждений, в деревнях по всей стране растёт беспокойство. Теперь вы собираетесь выпустить их в общество на постоянной основе. Что вы скажете тем зрителям, тем обычным людям, которые в ужасе от последствий этого шага?

– Добрый вечер, Брайан, – откликнулась министр. – Позвольте мне внести ясность: сворачивание Проекта – это инициатива премьер-министра, но, конечно, я буду рада воплотить ее в жизнь.

– То есть вы хотите сказать, что всего лишь выполняете приказы?

Министр заставила себя улыбнуться.

– Дело в том, что приюты – пережиток прежней эпохи, и они исчерпали свое предназначение – отслужили свой срок, если угодно. Это была инициатива коалиции, осуществленная в послевоенные годы, а мы их просто унаследовали. И какое-то время они работали – давайте не будем забывать о пользе, которую они принесли в периоды нашего правления. Но предыдущий кабинет министров начал сворачивать Проект еще восемь лет назад – сейчас в каждом приюте осталось всего по несколько воспитанников, – и, анализируя эффективность затрат, мы пришли к выводу, что больше не можем оправдывать необходимость таких расходов для налогоплательщиков.

– Значит, решение продиктовано чисто финансовыми соображениями.

– Отнюдь, но когда приходится делать трудный выбор в отношении программ, которые ложатся бременем на плечи налогоплательщиков, приюты “Сикомор” привлекают к себе внимание в первую очередь. И факт остается фактом: зданиям – во многих случаях историческим – и прилегающим к ним обширным территориям можно найти лучшее применение.

Интервьюер смерил ее своим фирменным взглядом.

– Во Фламборо погибли три человека, – сказал он. – Три семьи раздавлены горем.

– Фламборо – это трагическое исключение, и, конечно, мы выражаем свои искренние...

– *Исключение?* А Лавенхэм? А Эмблсайд и другие инциденты, произошедшие после изменения правил? Возможно, не такие катастрофические, но все же тревожные.

– Правила изменило предыдущее правительство – непоследовательное правительство меньшинства, – парировала министр. – А мы должны навести порядок. Инциденты, упомянутые вами, Брайан, возникли из-за того, что люди, возмнившие себя борцами за правду, сказали то, чего не должны были говорить. Всем известно, что общение с воспитанниками “Сикомор”, выходящее за рамки кратких деловых взаимодействий, запрещено. И всем известно, что разглашать им конфиденциальную информацию тоже запрещено, а нарушение этого закона грозит суровым наказанием.

– Но о том и речь, госпожа министр. За прошедший год мы воочию увидели, к чему приводят контакты воспитанников с обычными людьми, и теперь вы просите нас пустить их в наши дома?

– Да, некоторые воспитанники реагировали неадекватно, когда их провоцировали эти обычные люди – люди, решившие сделать сенсацию из определенных деталей Проекта или действовавшие из чувства неуместного сострадания. Мы сожалеем об этом – конечно, сожалеем. Любой, у кого есть сердце, не может не переживать из-за подобных инцидентов. Но это *единичные* случаи, и с замешанными в них воспитанниками разобрались, а все остальные пройдут тщательную проверку, перед тем как мы выпустим их из приютов.

– Так вы признаёте, что они потенциально опасны. Не рискуем ли мы даже сейчас, просто освещая эту тему?

– Все нет. Воспитанники – дети – не имеют доступа к телевидению. В особых случаях...

– Дети? – переспросил интервьюер. – Бросьте, госпожа министр, вы же не можете всерьез предлагать нам относиться к ним как к нашим сыновьям и дочерям.

И тут министр удивила сама себя:

– Возможно, именно такой сдвиг в восприятии нам и нужен.

Интервьюер рассмеялся.

– И чем это кончится? Дадим им гражданство? Разрешим вступать в брак? – Он покачал головой.

– Что касается телевидения, – сказала министр, – в особых случаях детям разрешается смотреть некоторые передачи – например, рождественское обращение королевы, – но не более того. То же самое относится к радио и газетам. И, как вы сами сказали, в заголовки эта тема обычно не попадает.

– Но что произойдет, когда они будут жить в обществе и узнают правду?

– Почти наверняка они ее не узнают. Будут действовать те же законы о неразглашении информации. Те же сдерживающие факторы. Вплоть до прошлого года обычные люди знали правила и жили своей жизнью, даже не задумываясь о Проекте.

– Пока обычные люди не столкнулись с воспитанниками лицом к лицу и им не пришлось крепко задуматься, – возразил интервьюер. – Пока не случился Фламборо.

– Как я уже сказала, инцидент во Фламборо был единичным, и с замешанным в нем воспитанником разобрались. Кроме того, воспитанники – дети – будут жить в любящих семьях, что, как показывают наши исследования, имеет решающее значение. И если они что-то да узнают, семьи преподнесут им всю историю в героическом ключе, сделают упор на том, что каждый ребенок внес свою лепту.

– Как носители генетических заболеваний, которые после Гетеборга выбрали добровольную стерилизацию?

– Что-то в этом роде, да.

– Но эти *единичные инциденты* демонстрируют, госпожа министр, что воспитанники “Сикомор” непредсказуемы. Возникает вопрос, понимал ли Аластер Роуч, что делает, когда выпускал джинна из бутылки.

Под светом софитов было нестерпимо жарко. Пальцы сделались липкими, лицо плавилось, как воск.

– Как вы знаете, Брайан, до сих пор приюты не входили в круг моих задач, так что об исторической стороне вопроса вам лучше спросить премьер-министра или самого доктора Роуча, но я могу заверить вас и всех зрителей, что воспитанники не представляют абсолютно никакой угрозы. В конце концов, некоторые *уже* живут в обществе. Убирают улицы. Чистят туалеты. Работают нянями и даже присматривают за чужими детьми.

– Другими словами, отнимают рабочие места у британских граждан.

– Ну, я бы не стала...

– Кроме того, это представители старшего поколения. Те, кого вы собираетесь выпустить сейчас, совсем другие. Их невозможно сравнивать.

– Как я уже сказала, они пройдут тщательный отбор, и мы планируем провести дни социализации между разными приютами, чтобы дети вместе отработали сценарии из реальной жизни. И это будет возможность...

– Правда ли больницы продолжают то, на чем остановились приюты?

– Я так понимаю, что клиническая модель разрабатывается уже давно, да, но, опять же, это вопрос к премьер-министру и доктору Роучу – я не могу говорить за них. Нам следует сосредоточиться на другом, мы должны приветствовать возможность, которую это решение дает людям с потребностью в общении. Бездетным парам или тем, у кого только один ребенок, мечтающий о брате или сестре. Пожилым и потерявшим близких. Это выгодный для обеих сторон вариант.

– Вы хотите сказать, что эти... эти индивиды внезапно научатся доброте?

Именно так это и прозвучало.

– Да, – сказала министр, понимая, что обещает то, чего почти наверняка не сможет обеспечить. – Именно это я и хочу сказать.

* * *

Дома ее муж смотрел по телевизору дартс с выключенным звуком. Игрок в золотой рубашке прицелился, изящно взмахнув рукой, напоминаящей белую птицу. Он попал в утроение сектора 20 раз, другой, третий, и дротики воткнулись так близко друг к другу, что наверняка угодили в одну и ту же дыру.

– Слава богу, все наконец-то позади, – сказала она.

– Что позади?

– Мое интервью.

– Оно было сегодня?

Она не могла его винить – сама ведь делала вид, что это не такое уж и важное событие.

– Как прошло?

– Так себе. Меня пару раз пытались подловить.

– Но ты всегда знаешь, что сказать. Умеешь выкрутиться.

– Думаешь?

– Да. Ты изворотливая. Когда эфир?

– Завтра вечером, я как раз успею вернуться из “Капитана Скотта”. А почему ты смотришь дартс?

– Это напоминает мне об отце.

На экране мужчина с пышными бакенбардами делал короткие тренировочные замахи, потом запускал дротики. Снова утроение сектора 20 – раз, два, три.

– Почему они не целятся в яблочко?

Он пожал плечами:

– Это как-то связано с подсчетом очков – им нужно выйти в ноль.

– Какая же это победа – ноль очков?

– Не знаю. Мама никогда не разрешала мне играть. Пойдешь учиться играть на фаготе, сказала она, хоть чего-то добьешься в жизни.

Сильвия поднялась наверх, в ванную в нежно-голубых тонах, пустила горячую воду, подождала, пока та не стала обжигающей, и принялась снимать макияж. Он размазывался по полотенцу, как грязь. Когда муж лег в кровать, она уже крепко спала.

На следующий день она надела темно-синий костюм и кремовые туфли на каблуках. Возможно, это было не самое разумное решение – замшевые туфли легко пачкались, – но она ведь собирается всего лишь в Хэмпшир. Не в джунгли, не в угольную шахту. Это не Фламборо, если уж на то пошло. Никакой опасности нет, напомнила она себе. Совершенно никакой. Тем не менее в то утро она сказала мужу, что любит его, и положила в сумочку кухонный нож.

– Эванс, не могли бы вы приоткрыть окно? – попросила она своего водителя, когда они добрались до окраин Лондона. День был жаркий, а костюм на ней слишком плотный.

– Конечно, мадам. Все что угодно, только скажите.

“Отвезите меня куда-нибудь в другое место, – хотела попросить она. – Не оставляйте меня там”.

Но вскоре они уже подъезжали к высокой каменной стене, и привлекательная молодая женщина с рыжеватыми волосами, в простом сером платье, распахивала ворота.

Винсент

Мы поняли, что что-то не так, когда увидели в столовой всех трех наших матерей. Мы почти никогда не видели их вместе.

– Что случилось? Что-то с доктором Роучем? – спросил я.

Он был уже немолод и дальше не молодеет – он говорил нам об этом почти при каждом визите. Он больше не мог гонять с нами мяч по саду, не мог демонстрировать свои коронные крученые подачи, пока мы ждали в конце нашего импровизированного крикетного поля с битой наготове, пытаясь предугадать его стратегию. Когда мы тянули его за рукав на улицу, он отнекивался, уверяя, что у него отказывают суставы и болит спина. Мало-помалу он покидал нас. Мы боялись того дня, когда потеряем его совсем.

– С доктором Роучем все в порядке, – сказала Утренняя мама, которая, видимо, припудрила лицо: ее веснушки стали бледнее. – Более того, он придет в самое ближайшее время.

У доктора не было причин навещать нас снова так скоро. Наши симптомы ведь прошли. Легкая бессонница, остаточные синяки и слабость. Изредка тошнота. Ничего тревожного.

– У нас потрясающие новости, мальчики, – объявила Дневная мама. – После обеда мы ждем очень важного гостя. Член кабинета министров, представьте себе.

Правда, восторга ее лицо не выражало. Как и лицо Ночной мамы, которая смотрела на остывающие на решетке тосты.

– Новое правительство хочет внести изменения в жизнь приютов “Сикомор”, – сказала Утренняя мама. – Для нас большая честь, что министр решила посетить именно наш приют и посмотреть, как он устроен.

– Какие изменения? – спросил я.

– Да всякие. – Утренняя мама наклонилась, чтобы стереть полосу на зеленом линолеуме. – Думаю, она расскажет нам все в подробностях, когда будет здесь.

– То есть министр – женщина? – спросил Уильям.

– А почему бы министру не быть женщиной? – отозвалась Утренняя мама. – Вспомни Жанну д’Арк.

Она читала нам статьи из “Книги знаний”, и ее глаза сияли, когда она рассказывала, как Жанна, *дева-героиня, облаченная в доспехи, под развевающимся знаменем Франции с золотыми лилиями повела воодушевленную армию освобождать город-крепость Орлеан.*

– И наш новый премьер-министр тоже женщина, – продолжала она. – И к тому же дочь простого учителя. Великолепный пример для подражания.

– Возможно, и ее сожгут на костре, – пробормотала Ночная мама.

Утренняя мама бросила на нее свирепый взгляд.

– Она собирается провести масштабные реформы. Лично я настроена очень оптимистично. Очень.

– Я не думаю, что таким, как мы... – начала Дневная мама и замолчала.

Ночная мама поправила кусочек тоста, который криво лежал на решетке.

– Нам надо кланяться? – спросил Лоуренс.

– Что? – переспросила Утренняя мама.

– Мы должны кланяться министру?

– Боже упаси, она же не королева! – воскликнула Дневная мама; она обожала королевскую семью и вырезала их фотографии из “Женского мира”.

Ее взгляд мечтательно затуманился, и я подумал, что она, наверное, представляет, как к нам с визитом приезжает королева или бедная тоскующая принцесса Маргарет – ее любимица, которая очень старалась скрыть свою тоску, но все равно можно было догадаться.

Дневная мама вздохнула.

– Мне нужно закончить икебану, – сказала она и пошла в сад, чтобы срезать несколько веток ивы для композиции, которая выразила бы противоречие между роскошью и простотой с помощью умелого использования негативного пространства.

– Ну а теперь ешьте, – велела Утренняя мама.

Тосты совсем остыли, как и яичница, но нам нельзя было оставлять на тарелках ни кусочка и нельзя было жаловаться. Некоторым детям вообще нечего есть. Некоторые дети никогда в жизни не видели яичницы. Мы должны понимать, как нам повезло.

– Если им вообще нечего есть, – спросил Уильям, – как они еще живы?

– Они и не живы, – ответила Утренняя мама. – Они умерли от голода.

– Меня тошнит, – пожаловался Лоуренс.

– Нет уж, – заявила она.

Время от времени Лоуренса рвало из-за Заразы, но по ее тону мы поняли, что сегодня тошнота запрещается.

В два часа нас отправили наверх переодеться в наши лучшие рубашки, и Лоуренс надел зеленую, Уильям – красную, а я – желтую. Мы смочили водой непослушные вихры и подстригли ногти маникюрными ножницами, которые детям не игрушка. Потом спустились вниз, потрогали крылья грифона на удачу и отправились ждать в оружейную. Дневная мама поправляла кисточки на подушках и заново протирала от пыли фарфоровых лошадок, хотя они в этом и не нуждались. Одна сторона филодендрона была пышнее, чем другая – просто на нее попадало больше света, так работает фотосинтез, – поэтому, протерев каждый лист, Дневная мама развернула филодендрон лучшей стороной к ситцевому дивану, где должна была сидеть министр. В ее волосах сверкала заколка со стразами.

Мы вздрогнули, услышав, как по недавно разровненному гравию подъездной дорожки заскрипели колеса, но, конечно, это была не министр – как бы она проехала в закрытые ворота?

Дневная мама подбежала к окну.

– Ложная тревога, это доктор Роуч. (Что имело смысл, потому что у него был свой ключ.) Успокойтесь, – обратилась она к нам. Ее большое круглое лицо покраснелось, а взгляд то и дело устремлялся к окну.

– Добрый день, – сказал доктор Роуч, сверкнув золотыми запонками, когда прикрывал рукой рот, и подавил зевок. Он только что вернулся со встречи со своими коллегами-врачами в Потсдаме, пояснил он, летел ночным рейсом, поэтому надеется, что мы его извиним. Он явно казался более подавленным, чем обычно.

– Вы нашли лекарство? – спросил Лоуренс. – В Потсдаме?

– Мы работаем над этим, – ответил доктор Роуч.

Он сел в обитое дамасской тканью кресло, Синтия устроилась у его ног. Обычно он сидел на ситцевом диване, но кто-то, видимо, сказал ему, что это место нужно оставить для министра, или он сам догадался. Он достал из кармана пакетик с мармеладками – молочными зубами, нашими любимыми, потому что они выглядели совсем как настоящие челюсти, – и положил их на каминную полку рядом с фарфоровой кобылой.

– На потом, – сказал он. – Если вы будете хорошими крольчатами.

Мы запротестовали, когда Дневная мама забрала их, но она возразила, что министр не обрадуется пакетику с зубами, и мы согласились, что, пожалуй, и правда.

Без десяти три Утренняя мама направилась к воротам. Нам было видно ее издалека: она приглаживала волосы, поправляла свое лучшее платье, поглядывала на часы. Без пяти три она прижалась лицом к кованой решетке и выглянула на дорогу. Наступило три часа, потом десять минут четвертого, потом четверть, и, наверное, министр решила не приезжать, наверное, она в итоге выбрала другой приют с детьми получше. Наконец в половине четвертого появилась черная машина, и Утренняя мама распахнула ворота и жестом указала дорогу к дому, хотя это

и не требовалось. Потом она снова заперла ворота и поспешила за машиной, скользя по гравию в туфлях на каблуках, которых мы раньше не видели.

Министр оказалась меньше ростом, чем мы ожидали, мы возвышались над ней, и мне показалось, что она вздрогнула, пожимая нам с братьями руки. У нее были всевидящие голубые глаза и коротко, без затей подстриженные темно-русые волосы, а к лацкану ее пиджака была приколоты брошь: парящий в воздухе ангел в струящихся одеждах с двумя спящими младенцами на руках.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала Утренняя мама не совсем своим голосом.

Она указала на ситцевый диван, где сидели мы, но министр, должно быть, не поняла, чего от нее хотят, потому что устроилась в другом дамасском кресле, откуда не было даже видно филодендрона.

Утренняя мама поколебалась, будто хотела все-таки предложить министру пересесть на диван. Потом взяла себя в руки и спросила:

– Не хотите ли что-нибудь выпить?

Она налила министру чашку чая, добавив молоко в последнюю очередь.

– Некоторые люди считают правильным начинать с молока, – сказала она. – Но это заблуждение. Еще в восемнадцатом веке гончар Джозайя Спод, родившийся в нищете, начал изготавливать тонкий костяной фарфор. Кстати, этот фарфор на самом деле делается из костей коров и другого травоядного скота, которых растят на убой. Мясо срезают и продают на корм, а кости тщательно очищают и нагревают до тысячи с лишним градусов для стерилизации, чтобы все остатки мяса сгорели. После этого кости измельчаются в золу. В общем, фарфор Спода оказался таким прочным, что выдерживал температуру кипятка, поэтому богачи, те, кто мог себе его позволить, сначала наливали чай, а менее состоятельным людям с дешевыми глиняными чашками, трескавшимися от жара, приходилось сначала наливать молоко.

Последовало недолгое молчание.

– Как интересно, – сказала министр.

– И между прочим, – продолжала Утренняя мама, переворачивая блюдце, чтобы показать клеймо производителя, – у меня в руках как раз сподовский костяной фарфор.

– Ну надо же, – сказала министр.

– Сахару?

– Если можно.

Утренняя мама взяла кусочек сахара серебряными щипцами в форме птичьих когтей и опустила его в чай, который выплеснулся на блюдце.

– О боже. – Она покраснела до корней волос, что было видно даже сквозь пудру.

– Ничего, ничего, – отозвалась министр.

– Как прошла ваша поездка? – спросила Дневная мама.

– Вполне неплохо, как только мы съехали с трассы.

– Ах, эта трасса, – сказала Дневная мама, как будто ездила по ней регулярно и знала все ее недостатки.

– Ужасные заторы в окрестностях Чизика, – вмешался доктор Роуч. – Вам надо попросить премьер-министра что-нибудь с этим сделать.

Я думал, он шутит, но его лицо было каменным.

– Она, безусловно, не оставит дорожный вопрос без внимания, – сказала министр. –

Прошу прощения, что я так опоздала.

– Пустяки, – отмахнулась Утренняя мама.

– Вы могли бы поехать вместе, – вставил Уильям. – Это сэкономило бы время.

– М-м, – только и ответила министр.

Дневная мама кивнула в сторону аккуратных сэндвичей на многоярусной подставке для торта:

– Наши мальчики сами собирали кресс-салат.

– Они нам очень помогают, – добавила Утренняя мама, протягивая министру тарелку. – Попробуйте пирожное с помадкой?

Только Ночная мама молчала. Я то и дело поглядывал на нее и не мог отделаться от мысли, что она вот-вот расплчется, но, возможно, так казалось просто потому, что я не привык видеть ее днем и не знал, как меняется ее лицо при естественном освещении.

Министр съела одно пирожное и половину сэндвича. Дневная мама пыталась уговорить ее попробовать кекс “данди” – она специально украсила его узорами из миндаля, и я знал, как ей обидно видеть, что к нему даже не притронулись, – но министр уверяла, что не может больше съесть ни кусочка, каким бы вкусным он ни выглядел. Поскольку она все время на виду у публики, сказала она, надо следить за фигурой. Она даже прикрыла тарелку рукой, словно защищаясь от попытки подсунуть ей кекс.

– О ней пишут в *газетах*, – сказала Утренняя мама Дневной. – Ее показывают по *телевизору*. Но вы, безусловно, прекрасно выглядите, госпожа министр, – добавила она. – Очень элегантно.

– А вы когда-нибудь встречались с принцессой Маргарет? – спросила Дневная мама и пощупала заколку со стразами, проверяя, на месте ли она.

Утренняя мама свирепо покосилась на нее.

– Только один раз, на приеме в саду, – ответила министр.

– И что она сказала?

– Она сказала, что, кажется, сейчас пойдет дождь и это досадно.

– Конечно, – согласилась Дневная мама, – она же привыкла к прекрасной погоде на тропическом острове Мюстик, где она укрывается от своей тоски.

Утренняя мама раздраженно прикрыла глаза.

Доктор Роуч съел три куска кекса, что было очень любезно с его стороны, хотя он по-прежнему был не в духе.

– Итак, – начала наконец министр, – думаю, вам всем интересна цель моего визита. – Она повернулась ко мне и моим братьям и натянуто улыбнулась. – Мальчики, вы, наверное, слышали от своих... своих матерей, что премьер-министр хочет внести некоторые изменения в работу приютов, да?

Да, кивнули мы, потому что наши рты все еще были набиты едой. Пальцы были липкими, но мы знали, что облизывать их нельзя.

– Вот и началось, – проворчал доктор Роуч.

Рука министра потянулась к броши на лацкане пиджака и принялась тереть свисавшую с нее тонкую цепочку.

– С момента своего вступления в должность в мае премьер-министр стремится улучшить положение наших граждан. Она знает, что многие британцы ощущают бессилие – они считают, что некогда великая нация сдает позиции и уже поздно что-то менять. Но это не так. Мы богаты природными ресурсами – углем, нефтью, сельскохозяйственными угодьями, газом. А еще мы богаты человеческими ресурсами. – Она сделала паузу. Видимо, заметила, что мы потеряли нить беседы. – Наша партия выступает в поддержку семьи, и мы знаем, что многим трудно накопить на первоначальный взнос по ипотеке. Налоговые послабления помогут тысячам семей приобрести жилье, а еще – поскольку субсидирование строительства нового муниципального дома обходится гораздо дороже, чем предоставление льгот покупателям, – мы ожидаем существенной экономии для британского налогоплательщика.

Она замолчала, снова потерела брошь.

– Однако такие учреждения, как приюты “Сикомор”, обходятся британскому налогоплательщику в круглую сумму. Содержать их затратно, а территория и здания, которые они зани-

мают, имеют большую ценность, и когда в каждом живет всего лишь горстка воспитанников... Ну, вы понимаете, к чему я.

– Да, – пробормотали мы, хотя понятия не имели, к чему она.

– Ясно как белый день, – сказал доктор Роуч.

– А кто это? – спросил Лоуренс, которого пока еще не стошнило. – Британский налогоплательщик? Может, если премьер-министр поговорит с ним...

– Эм, нет, налогоплательщик – это не один человек.

– Мы изучали налогообложение, – вмешалась Утренняя мама. – Правда, Лоуренс? Пошлины на импорт, соляной налог, налог на окна, Хлебные законы, налог на наследство – все это у нас было. Я приношу свои извинения, госпожа министр. Пожалуйста, продолжайте.

– В общем, премьер-министр предлагает использовать приюты, то есть сами здания и территорию, более рационально, а воспитанников, – она улыбнулась нам троим, – интегрировать в общество и найти им новые дома.

Доктор Роуч поджал губы.

– Прошу прощения? – переспросила Утренняя мама.

– Новые дома? – повторил я.

– Совершенно верно. – Теперь министр радостно улыбалась. – Новые.

– Значит, мы больше не будем здесь жить?

– Мы устроим вас в хорошие дома, – сказала министр таким тоном, словно речь шла о раздаче щенят. – Разве вам не хотелось бы иметь настоящих родителей, настоящую семью? Разве вы не мечтали об этом?

– А как же Маргейт? – спросил Уильям.

– Они уже часть семьи, – возразил доктор Роуч. – У них уже есть дом.

– Тем не менее, – энергично продолжала министр, – таково предложение премьер-министра. И конечно, все случится не сразу, у вас есть несколько месяцев, чтобы осмыслить этот шаг. А мы в это время будем проводить Дни социализации с одним из приютов для девочек.

Доктор Роуч фыркнул.

– Что такое День социализации? – спросил Лоуренс.

– Это возможность для вас пообщаться с другими подростками – точнее, с юными *леди*. Вы сможете попрактиковаться в светском общении, хороших манерах и так далее. Теперь, – продолжала она, не дав никому и слова сказать, – нам нужно составить каталог доступных детей, чтобы потенциальные родители могли его изучить, а после этого, думаю, организуем визиты на дом и подберем подходящую семью.

– Но это дело всей моей жизни, – напомнил доктор. – На прошлой неделе я предельно ясно сообщил об этом премьер-министру. – Прядь серебристых волос упала ему на лоб, и он отбросил ее. – Я десятилетиями жертвовал вам миллионы, причем не только вашему кабинету, и вот чем вы мне отплатили. Сначала предыдущее правительство свернуло заселение новых детей в приюты. Теперь вы хотите полностью мой проект закрыть! И исключить из всех новых программ!

– Тем не менее, – повторила министр.

– А лекарства? Они не могут просто перестать их принимать! Кто будет за этим следить?

– Мы решим эту проблему.

– А если кто-то подхватит от нас Заразу? – спросил я. – Или мы от нее умрем?

Никто не ответил. Дневная мама прижимала руку к груди, а Утренняя явно была настроена уже не очень оптимистично.

– Вы хоть понимаете, насколько ценны эти мальчишки? – воскликнул доктор. Потом взглянул на нас и оборвал себя. Он собирался прибавить что-то еще, но промолчал.

– Да, я понимаю, насколько они ценны.

Какое-то время все молчали. Синтия вздрагивала и ворчала во сне, за чем-то гонясь, на что-то охотясь.

– А что будет с нами? – спросила Утренняя мама, не поднимая глаз.

– Мы постараемся найти подходящую работу для всех воспитателей.

– Для всех *матерей*.

– Да, матерей.

На пирожное с помадкой села муха. Никто ее не согнал.

– Но... они поедут с нами, – сказал я.

Министр покачала головой:

– Нет, в каждой одобренной семье уже будет мать, настоящая мать. Поверьте, так будет лучше для всех. Вы даже не вспомните свое прошлое здесь.

– А эти семьи, они живут в Маргейте? – спросил Уильям.

– О чем ты?

Тут заговорила Ночная мама:

– Я думаю, это хорошая идея. Для них это новое начало. Новый шанс.

– Вот-вот, видите? – подхватила министр.

– Не понимаю, – пробормотал доктор Роуч, и я был озадачен не меньше его. Она же любила нас. Она нас *любила*.

Дневная мама в отчаянии сжала руки.

– Давайте мы с мальчиками покажем вам дом, и вы увидите, как вдумчиво и рачительно мы ведем хозяйство.

– Вы правда думаете, что грядки и пара поделок что-то изменят? – спросил доктор Роуч. – Они уже приняли решение. Вопрос закрыт.

– Все равно, – сказала Дневная мама.

* * *

На кухне мы показали министру ящик, где хранили разглаженную фольгу, вымытую и готовую к повторному употреблению, открыли морозилку и показали кубики лимонного сока от больного горла, а также обрезки моркови и сельдерея, которые мы отваривали вместе с костями для бульона. Дневная мама совсем забыла, что убрала в кладовку пакетик с мармеладными челюстями, и поспешила объяснить, что это редкое угощение от доктора Роуча, а каждому иногда нужно немного радости, чтобы почувствовать себя особенным, – но мы ни в коем случае не питаемся сладостями целыми днями. Наша жизнь не состоит из пирожных с помадкой и сподовского фарфора. Вот простое печенье. Вот щербатые, но вполне еще пригодные тарелки. Вот грибы, собранные в лесу. Вот кресс-салат, который вы уже пробовали в сэндвиче. А там, на плите, банка с говяжьим жиром, его можно намазывать на тосты, а если жарить на нем картошку, она будет более хрустящей. В игровой комнате есть пазл “Мона Лиза” и колючий конструктор – нам не нужно больше игрушек, этих вполне хватает, – а также кушетка на тот случай, когда мы плохо себя чувствуем, с вязаным одеялом от Ночной мамы и полосатой простыней, которую Дневная мама заштопала, потому что она еще может послужить, и радиола, чтобы слушать “Петю и волка”. В столовой – банки с вареньем, сваренным Дневной мамой из собственных слив и абрикосов, и подогреватели блюд, но мы ими больше не пользуемся, потому что нас осталось только трое и это было бы лишней тратой электричества. В главном холле – икебана, сделанная из того, что нашлось в саду.

– Как мило, – сказала министр, проводя пальцем по веточке ивы.

– Это икебана, – пояснил я. – Японское искусство.

– Да-да.

– Она выражает противоречие между роскошью и простотой с помощью умелого использования негативного пространства, – сообщил Лоуренс.

– Правда?

– В “Женском мире” была статья об этом, – сказала Дневная мама. – Я не японка.

– Ну да.

– А там библиотека, где мальчики занимаются. – Дневная мама махнула рукой дальше по коридору.

– Любовь японцев к прекрасному в природе и искусстве, представляющаяся их врожденным свойством, разительно контрастирует с тем, как безжалостно они ведут войны и как хладнокровно совершают жестокости, – сказал я.

Я просто цитировал “Книгу знаний”, статью под названием “Художественный гений странного народа”, но Дневная мама бросила на меня сердитый взгляд, и я понял, что ляпнул что-то не то.

Не успели мы переступить порог библиотеки, как Лоуренса вырвало прямо в банку с цветными карандашами. Уильям рассмеялся. Министр побледнела.

– Боже мой. – Дневная мама схватила Лоуренса за локоть и вывела его прочь. – Уильям, – позвала она, – приberi, пожалуйста.

Уильям скорчил недовольную гримасу и пошел за тряпкой.

Мы с министром остались вдвоем.

– Библиотека, значит? – спросила министр, скользя по комнате своими всевидящими голубыми глазами. Она отошла к противоположной стене, делая вид, что ее интересует классная доска, но я почему-то чувствовал, что ей не по себе.

– Да, библиотека. – Я указал на декоративную козу на подоконнике: – Это мы сделали на День рукоделия. Декоративная коза.

– Но где же книги?

– Вот здесь, – сказал я, подходя к ней, чтобы показать “Книгу знаний”, стоящую на полке рядом. – У нас полный комплект томов. Тут описано все, что существует в мире. Видите, она начинается на А и заканчивается на *Ящур*. Все-все. А если чего-то здесь нет, значит, оно не важно.

– Понятно, – сказала она, наблюдая за мной. Придвинулась чуть ближе и положила ладонь на корешок “ФУС – Я”, словно успокаивая маленького зверька.

– Только вот в “ИНА – ЛОЖ” не хватает страницы 504, и это очень обидно, – сказал я.

– Очень обидно, – согласилась министр.

Я нашел то самое место. Видимо, кто-то вырвал страницу, объяснил я, какой-то непослушный мальчик, который плохо себя вел. Наши матери исправили положение как могли, закрасив соответствующую запись в “Предметном указателе”, чтобы не создавать путаницы.

– Понятно, – опять сказала она. – А это? – И указала на нижние полки.

– Это наши мечты, а вон то – наши преступления.

– Ах да, я слышала... Можно? – хотя уже открывала “Книгу вины”, чтобы прочитать, какие ужасные вещи мы совершили.

Лоуренс выплюнул пюре из пастернака, хотя Утренняя мама старалась и готовила для нас полезное блюдо. Я толкнул Уильяма на лестнице, когда он не хотел меня пропускать, и он мог упасть и сломать себе шею, пусть на этот раз и обошлось. Уильям ударил Лоуренса, когда мы играли в Карла I, и Уильям был Карлом I, а Лоуренс – палачом в маске. Уильям изуродовал портрет семьи, которая первой жила в этом доме, приклеив даме в розовато-лиловом шелковом платье усы из туалетной бумаги. И вот министр уже отлистывает страницы назад, во времена, когда здесь жили другие мальчики. Марк Браун выдернул коврик из-под Дэвида Коллинза, и тот разбил себе голову о кафельную плитку. Грэм Янг подложил сброшенную кожу гадюки в резиновый сапог брата. Майкл Льюис поймал лесного жаворонка и отрезал ему лапки. Колин

Райт засунул палец другого мальчика в клюв грифона на столбе, и мальчик поранил палец (столб не пострадал). Ужасные поступки, некрасивые поступки, занесенные в книгу, чтобы никто их не забыл. Я краснел даже за преступления, совершенные не мной. На бумаге они выглядели еще хуже, как будто не остались в прошлом, а происходили снова и снова.

– А это? – спросила министр и взяла в руки альбом с фотографиями, датированный 1972 годом, когда нам было по шесть лет. – Это ты?

– Нет, это Лоуренс. Он только что научился ездить на велосипеде.

Я наклонился к ней и услышал ее дыхание, частое и поверхностное.

– А это кто?

Я посмотрел на фотографию улыбающегося мальчика, который держал крикетную битку и указывал на большой круглый синяк у себя на колене.

– Я не помню его имя, – сказал я, – но, по-моему, доктор Роуч только что вывел его из игры по правилу НПК. Это означает “Нога перед калиткой”⁵.

– Вот как, – сказала она.

Я стоял так близко, что мог разглядеть все детали ее броши – ангела в струящемся одеянии со спящими младенцами на руках. Я видел резной пояс на талии ангела, развевающиеся пряди волос за спиной, ногти на босых ногах, очертания тела под платьем.

– Очень красивая, правда? – тихо произнесла министр.

– Очень, – сказал я.

– И это сделано из раковины. Посмотри, мастер вырезал волосы в темном верхнем слое, а для всего остального тела ушел вглубь, до белого слоя.

– Да, – сказал я. Я никогда не видел такой броши. – Кто это?

– Нюкта, греческая богиня ночи.

Мы такого не проходили, и я ее не знал.

– А дети?

– Ее сыновья, Гипнос и Танатос.

Я взгляделся в крошечную цепочку, свисавшую с одного края, и булавку, прикреплявшую цепочку к лацкану.

– А это для чего?

– На случай, если основная булавка сломается, чтобы я не потеряла брошь.

– А она когда-нибудь ломалась?

– Вообще нет.

Я подошел еще ближе.

– Сделана из раковины?

– Из настоящей раковины. Такое украшение называется камея.

Я снял с полки восьмой том “Книги знаний” (“Предметный указатель”), поискал нужное слово – “Камелия”, “Камелот”, “Камерун”, “Камея” – и обратился к статье в “ИНА – ЛОЖ”.

– Ювелирное украшение из полудрагоценного камня, кости или морской раковины с резным рельефным изображением, – прочитал я вслух. – Искусство изготовления камей достигло своего расцвета в I веке нашей эры... пришло в упадок с концом Римской империи и заново обрело популярность только в эпоху Возрождения... Но после конца XVIII века камеи почти не изготавливали, поскольку их легко подделать, и искусство приобрело дурную славу. Сегодня его практикуют очень мало.

– Не думаю, что моя поддельная.

– Я уверен, что нет, – сказал я. Но как это можно было определить? – Она из Маргейта?

– Из Маргейта?

⁵ “Нога перед калиткой” – ситуация в крикете, которая служит поводом вывести игрока из игры. По всей видимости, доктор Роуч запустил мяч, который мог бы попасть в калитку, но ударился о ногу мальчика-бэтсмана, стоявшего перед ней.

– Мы туда уезжаем, когда выздоравливаем.

Министр смотрела непонимающе.

– Там находится Большой приют. С витражами из виноградных лоз. И рыбами с разинутыми ртами.

– С рыбами, – повторила она.

– У них там делают всякие вещи из раковин.

– А. Но я не знаю, – призналась она, недоуменно хмурясь. – Эта брошь принадлежала моей бабушке, матери она никогда не нравилась, поэтому и перешла ко мне. Моя мать не слишком-то добрая женщина. Не думаю, что она вообще хотела детей, – то есть знаю, что не хотела, она много раз об этом говорила. Да, она недобрая. Но иногда мы любим тех, кто к нам недобр.

Я коснулся пальцем прохладной, отполированной поверхности броши. Потрогал складки платья. Изгибы перьев. Еле-еле, почти неуловимо я чувствовал чужую дрожь.

Нэнси

Нэнси подняла руки.

– Снимаем шкурку с кролика, – сказала мать, одним движением стягивая с Нэнси ночную рубашку и засовывая ее под подушку.

Серебристо-зеленое платье висело на двери спальни в специальном чехле, который защищал его от моли, солнечного света, пыли и липких пальцев. Нэнси видела силуэт платья сквозь хлопковую ткань, видела жесткие юбки, расправившие чехол изнутри. Платье хотело наружу. Платье хотело, чтобы его носили. Но она не примеряла его несколько месяцев, с тех пор как ей исполнилось тринадцать, и, наверное, уже из него выросла.

Мать вытащила платье и осмотрела его, расправляя шелковые цветы на лифе и разглаживая фатин в тех местах, где он замялся. Это было выходное платье, мечта, а не платье, с рукавами-буфами из органзы и серебряными вышитыми маргаритками, спускающимися от талии до фестончатого подола.

– А теперь еще раз руки вверх. – Мать натянула платье через голову Нэнси, и та почувствовала его затхлый запах, немного похожий на запах старых книг и прокисшего молока.

Нэнси перекинула волосы вперед, чтобы не зацепились за молнию. Лишь бы платье не оказалось мало.

– Вдохни поглубже, – сказала мать, – и удержи дыхание... Задержи...

Ее руки засуетились на спине Нэнси, застегивая молнию зубчик за зубчиком.

– Ну вот, пожалуйста, оно тебе еще впору. А я что говорила?

Она застегнула крошечный крючок в самом верху, одернула рукава, чтобы сели как надо.

Расправила юбки.

– Правда, совсем впрытык. Ну и ничего страшного.

– Я не могу пошевелиться.

– Ерунда.

Нэнси опустила глаза. При определенном освещении платье казалось белым, но если присмотреться, становилось видно, что оно серебристо-зеленое – оттенок морской пены, как говорила мать. Это что, пятнышко ржавчины вокруг маргаритки? Металлическая нить начинает разъедать фатин? Нэнси снова отвела взгляд. Лучше не упоминать об этом.

– Ну, – сказала мать, отступая на шаг и складывая руки. – Ну, дай-ка мне посмотреть на тебя.

Нэнси стояла совершенно неподвижно и старалась не прикасаться пальцами к ткани. Она знала, что ни в коем случае нельзя испачкать или испортить платье.

– Разве ты не чувствуешь себя особенной? – спросила мать.

– Очень даже чувствую.

– Кеннет! Можешь войти!

Отец, должно быть, ждал у двери, потому что она сразу же открылась.

– Какая красавица у нас выросла! – воскликнул он.

– Главное, что из платья еще не выросла, – отозвалась мать. – К счастью.

– Это да, – сказал отец. – Сидит идеально. Ты, наверное, собираешься на бал? На роскошный прием?

Конечно, он это не всерьез. За все свои тринадцать лет Нэнси ни разу не покидала дом на Белгрейв-клоуз. Она могла играть в саду, окруженном высокой живой изгородью, при условии, что будет вести себя хорошо и не шуметь, и могла сидеть в теплице со стеклянной крышей и стеклянными стенами, которые мать содержала в такой чистоте, что они были почти невидимы. Но она не могла выйти за ворота, в опасный мир.

– Да что там такого опасного? – время от времени спрашивала она у родителей. – Почему я не могу ходить в школу, как обычные люди? Почему у меня не может быть *друзей*?

Ее голос повышался, щеки вспыхивали, и мать с отцом просили ее успокоиться, взять себя в руки.

– Вы ужасные! – выкрикнула она однажды. – Я вас ненавижу! – И швырнула стакан на кухонный пол, но стакан не разбился, только подпрыгнул, покатился по линолеуму и уткнулся в тапку матери.

– Ты нас не ненавидишь, – сказала мать. – Мы сделаем вид, что ничего этого не слышали.

– Что слышали? – Отец подмигнул Нэнси.

Нэнси не разговаривала с ними до конца дня. Вечером отец пришел в ее комнату и присел на край кровати.

– Мы делаем все, что в наших силах, солнышко, – сказал он. – Ты поймешь, когда вырастешь.

– А мне можно будет выходить на улицу, когда я вырасту?

– Просто наберись терпения. – Отец погладил ее по волосам. – Твоя мама очень расстроена, ты же знаешь.

Так было всегда – Нэнси злилась, что ей не разрешают выходить на улицу, говорила родителям гадости, мать плакала, Нэнси раскаивалась и некоторое время беспрекословно слушалась. Однажды, пообещала она себе, она увидит мир, но пока можно было только смотреть на него по телевизору.

Ее любимой передачей была “Джим поможет”, где обычные дети писали Джиму о своих самых несбыточных мечтах, а потом он выбирал лучшие и воплощал их в жизнь. Один мальчик опустился на глубину в подводной лодке Королевского военно-морского флота, еще двое покатались на королевских лошадях, которые возят барабаны, одна девочка увидела, как делают кукол, другая полетала по воздуху, третья полежала на гвоздях, четвертая спряталась в почтовом ящике и хватала людей, когда они опускали письма. Все эти дети получили большие серебряные значки с надписью “Джим мне помог”, чтобы носить их когда захочется и чтобы все знали, как им повезло. Второй любимой передачей Нэнси был сериал “Морк и Минди” про инопланетянина Морка, который прилетел на Землю в гигантском яйце и вместо ругательств повторял “шазбот”. Нэнси переняла от него это словечко, потому что в этом была дерзость, приятно щекотавшая нервы, но хотя “шазбот” ничего не значило, родители сказали, что они против: юной леди так выражаться не к лицу. Еще она смотрела “Радугу” с ведущим Джеффри (человеком), медведем Банглом и бегемотом Джорджем (животными) и Зиппи (ни тем ни другим). Рот у Зиппи был в виде молнии, и когда он слишком много болтал, кто-то из других ведущих ее застегивал, и Зиппи издавал отчаянные приглушенные звуки, так что ничего нельзя было разобрать, – вот это Нэнси уже не очень нравилось.

Кроме того, ей не очень нравилась игра “Дай подсказку”, где участники должны были без слов показывать названия книг и фильмов, и иногда другие члены команды догадывались сразу, а иногда заходили в тупик, несмотря на комичные жесты игрока, который не мог говорить. Зато она любила “Игру поколений”, где семьи получали всевозможные фантастические призы, выезжавшие к ним на конвейерной ленте, если могли запомнить их и перечислить. Она ни разу не пропустила “Антикварные гастроли”, куда участники привозили свои старинные, иногда загадочные вещи, а эксперты вертели их, открывали, рассматривали в крошечные лупы и говорили: “Вы хоть представляете, сколько это стоит? Сядьте!” Лучшими выпусками были те, в которых люди чуть не падали в обморок, узнав, что потускневшая старая картина с быком принесет им пять тысяч фунтов на аукционе, а после реставрации, возможно, и больше. Что гигантская уродливая ваза из коридора, куда они ставят мокрые зонтики, принадлежала китайскому императору. Что их блестящие серьги на самом деле бриллиантовые, а не стеклянные, а старые книги – это первые издания с бесценными заметками автора. Нэнси никогда бы в

этом не призналась, но ей нравились и другие выпуски, когда эксперту приходилось говорить: вещь поддельная и не стоит даже десяти фунтов, хотя, возможно, имеет ценность как семейная реликвия. Обычно владельцы делали вид, что это неважно, и уверяли, будто эта вещь дорога им как память, но Нэнси видела, как разочарование давит им на плечи и гасит блеск в глазах. Какими же дураками они были. И теперь все об этом знают.

Ее родители каждый вечер смотрели новости, чтобы быть в курсе, как правительство разваливает страну. Они сидели на диване в полиэтиленовом чехле и дули на горячий чай, а поддельная лампа Тиффани отбрасывала мягкий свет на стоящий рядом журнальный стол, за которым Нэнси рисовала картинки с помощью спирографа, и сложные круговые узоры расползались по бумаге, как цветы, как фейерверки, как удивительные глубоководные существа, еще не имеющие названий. Она прижимала одно из прозрачных колец к странице, вкладывала внутрь колесико поменьше, соединяя зубцы, а потом, просунув цветную ручку в одну из крохотных дырочек, осторожно, чтобы не дернуть рукой и ничего не испортить, двигала колесико вдоль окружности и выводила петлю за петлей, пока не возвращалась к началу.

Если в новостях показывали определенные репортажи – определенные страшные репортажи, – мать вскакивала с дивана и бросалась к телевизору. Она убавляла громкость, вставала прямо перед Нэнси, загораживая экран, и они с отцом смотрели на беззвучные изображения, качали головой и твердили: “Зачем это показывать? И это тоже? Господи, ни стыда ни совести”. Нэнси понимала, что это страшные репортажи, но родители все равно их почему-то смотрели и ничего не могли с собой поделать. Иногда, выглядывая из-за спины матери, она успевала мельком увидеть то безлюдное место – вересковую пустошь или поляну в лесу, – то фотографию мальчика в школьной форме, то обгорелую машину с открытым багажником, похожим на черную пасть. От этого ей становилось нехорошо, будто не хватало воздуха. Тогда мать садилась рядом, обнимала ее за плечи и всхлипывала. “Ну-ну, хватит”, – говорил отец, открывал коробку шоколадных конфет и протягивал им, даже не взяв себе конфету с апельсиновым кремом.

Нэнси знала, что матери грустно не только из-за новостей и что в какой-то мере она сама тоже виновата.

– Чем я тебя расстраиваю? – спросила она однажды.

И мать, с блестящими от слез глазами, крепко обняла ее:

– Ты меня только радуешь, зайка. *Радуешь.*

Теперь она разглядывала Нэнси в платье цвета морской пены.

– Ты разобьешь сотни сердец. Что скажешь, Кеннет?

– Сотни, – подтвердил отец.

Винсент

За неделю до того, как должен был состояться наш первый День социализации, мы с братьями не спали и обсуждали, какими будут юные леди. Тоже тройняшки? Сможем ли мы отличить их друг от друга? Мы, конечно, надеялись, что они будут хорошенькие, с маленькими ушами и изящными шеями, с тонкими запястьями, которые можно обхватить большим и указательным пальцами. Мы предполагали, что у них будут какие-нибудь ленточки и легкие шарфики. Заколки в форме фруктов, как у деревенских девочек. Нежные мелодичные голоса. “А груди?” – спросил Уильям. Вероятно, да, будут и груди – целых шесть штук. Голые руки и ноги – тоже голые или, например, обтянутые прозрачными чулками, которые заканчиваются чуть выше линии подола. Цветочные духи, нанесенные туда, где бьется пульс, и крошечные, украшенные бисером сумочки, внутри только носовой платок и зеркальце размером с ладонь. Босоножки на тонких ремешках, застегивающиеся на щиколотке, родинки на щеке или на виске и, может быть, россыпь веснушек. Уж точно никаких прыщей. Никакого запаха изо рта или шатающихся зубов.

Но как они будут смотреть на нас? Так, как смотрели девочки из Эшбриджа, которые всегда торопились пройти мимо? Искоса, издали? Перешептываясь между собой? Нет, решили мы, они с радостью уделят нам внимание, потому что и мы, и они – воспитанники “Сикомор”. Они не попятятся, если мы осмелимся им улыбнуться. Они позволят нам взять их за руку и станцевать с ними в игровой комнате вальс или фокстрот, как это делают все обычные люди.

– Может быть, – сказал Лоуренс, – они сейчас лежат у себя в спальне и разговаривают о нас.

И у нас как будто засосало под ложечкой – что-то вроде голода.

Я закрыл глаза и почувствовал, как мои братья где-то рядом, почти в полной темноте, пытаются материализовать девочек из теней на синих бархатных шторах, из пятна воды на потолке.

– О чем мы будем с ними говорить? – спросил я чуть погодя.

Уильям не ответил, а Лоуренс произнес только “М-м”, прежде чем тоже провалиться в сон. Я еще немного полежал, стараясь не шевелиться и заставляя себя ни о чем не думать, но бессонница не отпускала.

Раздвинув шторы, чтобы хоть что-нибудь видеть, я полез под кровать за куском мыла и ножом, которые там спрятал. Пока что я был вполне доволен своей работой – из бледно-зеленого, пахнущего сосной бруска начала проявляться фигурка. Я положил мыло на подоконник, рядом с оленьими рогами, и принялся снимать стружку за стружкой. В лунном свете моя рука выглядела чужой, нечеловеческой, будто выросла из костяных ветвей рогов. Лезвие ножа, казалось, двигалось само по себе. Насколько мог, я вырезал тело и волосы. Братся за лицо сейчас было слишком рискованно, а спать по-прежнему не хотелось.

* * *

Когда я открыл дверь, из верхней гостиной донеслись сочные и яркие звуки трубы. Ночная мама, как обычно, сидела в своем кресле, притопывая ногой в такт тихо игравшему радио. Она вязала новое одеяло, хотя мы уже много лет в них не нуждались, в шкафах и комодах опустевших спален и так лежали десятки одеял вместе с мешочками лаванды, чтобы отпугивать моль и чешуйниц, которые на самом деле насекомые. Рядом с радиоприемником стоял старый пульт управления, он загорался, когда мы нажимали кнопки рядом с кроватями. Я провел пальцем по многочисленным рядам имен. Некоторые из них, принадлежавшие тем, кто уехал в Маргейт очень давно, были заклеены изоляцией телесного цвета, чтобы сверху можно было

написать новые имена. Я вспомнил, как однажды ночью мы с Уильямом проскользнули в комнату уехавшего мальчика, нажали на кнопку и выбежали оттуда, стараясь не шуметь. Лоуренс остался в постели – он сказал, что не собирается нарушать правила, поэтому мы обозвали его занудой и, прежде чем улизнуть, забросали подушками. Услышав, как Ночная мама идет по коридору и входит в пустую комнату, мы выглянули из двери, пихая друг друга локтем и хихикая до слез. Уильям поманил меня, прошептал, чтобы я подошел ближе, и я увидел Ночную маму – она стояла на коленях на полу и плакала, прижавшись щекой к подушке уехавшего мальчика, а черепаховые гребни почти выскользнули из ее распустившихся волос. У нее перехватило дыхание, когда она нас заметила, и некоторое время она молчала, а потом заговорила. Разве наши матери не делали все возможное, чтобы научить нас состраданию? Разве сострадательные люди поступают так, как мы? Нет, Ночная мама, сказал я и опустил голову, чтобы показать, как сожалею о содеянном. Но Уильям продолжал хихикать и не мог остановиться. Ведя нас обратно в постель, Ночная мама сказала, что боится за нас, и позже мы сошлись на том, что это прозвучало странно и не особенно сострадательно. Мы были уверены, что она запишет нас в “Книгу вины”, но там ничего не появилось, хотя мы проверяли каждый день в течение недели. Когда Уильям захотел снова провернуть этот трюк, я впервые в жизни сказал ему нет. Лоуренс тоже отказался. Уильям тогда очень долго дулся.

– А это одеяло для кого? – спросил я.

– Мне нужно чем-то занять руки, – ответила Ночная мама.

Одеяло было мягким и ажурным, нежно-лимонного оттенка – такое вяжут для ребенка еще до его рождения, когда не знают, мальчик будет или девочка.

Я потербил оторвавшуюся нитку на пижаме, и Ночная мама заметила, что это очень плохая привычка и я так распушу весь шов, но я все равно продолжал ее теревить.

– Почему ты сказала министру, что найти нам новые дома – это хорошая идея? – спросил я.

– Потому что это хорошая идея. Вы будете жить в реальном мире.

– Но ты не сможешь поехать с нами.

– Нет, не смогу. – Ее лицо ничего не выражало, и она не отрывала глаз от вязания.

– И мы не попадем в Маргейт.

– Но семья намного лучше, чем Маргейт. Поверь мне.

Я насупился.

– *Поверь* мне.

– А эти семьи, какими они будут?

– Думаю, самые обычные люди. С добрым сердцем.

– Как на той картине над лестницей?

Мать позволяет маленькой девочке встать на стол, накрытый к чаю. Отец кладет руку на голову мальчика в платье.

– Наверное, не настолько богатые.

– А откуда мы узнаем, что им сказать?

– Для этого и существуют Дни социализации. Чтобы вы могли попрактиковаться.

– Но мы же будем практиковаться с другими детьми из “Сикомор”.

– М-м.

Радио вполголоса сообщило, что пришло время послушать Шопена, и заиграла фортепианная музыка.

– Когда придут юные леди, – спросил я, – надо будет пожать им руки?

– Пожалуй, это было бы вежливо, – сказала Ночная мама.

– И что потом?

– Ну, вы предложите им сесть. Возможно, поинтересуетесь, как они доехали. Представитесь.

– Но как же нам танцевать с ними, если мы будем сидеть?

– Вряд ли вы побежите танцевать сразу же, как только они переступят порог. Сначала вы немного пообщаетесь.

– Понятно, – сказал я. Мне показалось, что это стоит записать. – А надо говорить им, что они хорошо выглядят?

– Да.

– Даже если они не выглядят хорошо?

– Да.

– Но это же ложь.

– Иногда мы лжем из добрых побуждений.

Я кивнул – мы уже обсуждали это на уроке этики.

– И как я узнаю, какая из них моя?

– Боже мой, – сказала Ночная мама, нечаянно зацепляя спицей лимонную шерсть, – мы же не *распределяем* их между вами, как... как порции в День курицы. Все должно получиться само собой. Вы немного пообщаетесь, потом Дневная мама включит музыку, и ты спросишь одну из них: “Не хочешь потанцевать?” – и она ответит: “С удовольствием”, и вы пойдете танцевать. А потом ты пригласишь другую девочку и так далее.

– Если они тройняшки, как мы их различим?

– По одежде, наверное. Но я не думаю, что они тройняшки.

– А если Уильям подцепит самую красивую?

– Никто никого не подцепит.

– Он именно так и сделает.

– Я уверена, что все они будут одинаково милые. Каждая по-своему.

Я подумал, что первым делом с утра пойду в библиотеку и поищу статью “Беседа”, чтобы понять, как разговаривать с юными леди, поскольку от Ночной мамы помощи ждать не приходилось.

Ночная мама переменяла позу, и я заметил, что из-под ее бедра что-то выглядывает. Что-то спрятанное в спешке.

– Что это? – сказал я.

– Что?

– То, на чем ты сидишь.

– Просто книга. Ерунда. Ничего такого.

– Почему ты сидишь на книге?

Тихая фортепианная музыка лилась, как струи дождя. Ночная мама, хмурая брови, выпустила последнюю петлю.

Я, конечно, видел книги и раньше, мистер Кендрик продавал их в своем магазинчике на углу, его безвкусные витрины пестрели книгами в мягких обложках – то врачи и медсестры, то мужчины в узких брюках в окружении громадных собак. “Что это такое?” – спросил я Утреннюю маму во время нашего первого визита в деревню, и она сказала, что это дребедень, не стоящая моего внимания.

А в другой раз, когда мы с ней и Лоуренсом переходили улицу, мимо нас прошел школьник, и из его расстегнутого портфеля выпала книга. Я машинально поднял ее. Она была маленькая, легкая и изрядно потрепанная – ее явно не берегли так, как мы берегли “Книгу знаний”, – а на обложке было написано: “Конь и его мальчик”.

– Эй! – закричал школьник. – Это мое!

– Я ее не *крал*, – начал я, но он выхватил книгу и пнул меня по ноге.

– Даже не больно, – сказал я, и тогда он ударил в живот.

Я стиснул зубы, не желая ничего ему показывать.

– Ты и правда не чувствуешь боли, – сказал он.

Я пожал плечами.

Тогда его лицо ожесточилось.

– Урод, – прошипел он и убежал.

– Я не крал эту книгу, – сказал я Утренней маме, и она сказала, что прекрасно понимает, но все-таки не надо было ее трогать, и в любом случае в ней – да и ни в одной из книг, которые могут нам попасться в деревне, – нет ничего такого, чего нельзя было бы найти в “Книге знаний”. Как же нам повезло, подумал я тогда, что в нашем распоряжении оказались эти восемь томов и нам не нужно обращаться ни к каким другим. В какой-то степени мне было жаль людей, которым приходится покупать книги по одной, собирая свое представление о мире по крупицам.

– Почему ты сидишь на книге? – снова спросил я Ночную маму.

Она вздохнула.

– Я ее читаю. По ночам, когда вы спите.

– А что ты хочешь узнать?

– Узнать?

– Ну да, зачем ты читаешь? Что ты пытаешься выяснить?

– Чем она закончится, конечно. Что произойдет.

– Там, наверное, будет что-нибудь на “Я”. Такие вещи всегда в конце.

Ночная мама отложила свою вязальную спицу и пристально посмотрела на меня.

– Не знаю даже, смеяться или плакать, – сказала она наконец, вытащила книгу из-под себя и положила ее на колени, поверх незаконченного детского одеяльца, которое было еще слишком маленьким для настоящего ребенка, но как раз подходило по размеру для книги. Она называлась “Улисс”.

– Только между нами, хорошо?

Я кивнул. И тогда, открыв первую страницу, Ночная мама начала читать вслух.

Я никогда не слышал ничего подобного. Слова были путанными и чуждыми, как во сне. Они вплетались в мягкий ритм фортепиано, то нарастая, то затихая, – странная ночная музыка. Иногда мне даже казалось, что Ночная мама поет. Там был человек с зеркальцем и бритвой, который благословлял горы, и человек, который, кажется, убил свою мать, потому что не помолился за нее на смертном одре. Вроде бы они жили в башне, а море было великой и нежной матерью, и с башни они наблюдали за белеющей грудью волны⁶. Я понятия не имел, что все это значит.

– Она продавалась со скидкой? – сказал я. – Или ее уценили? Прости, Ночная мама, но, по-моему, от нее никакого толку.

– Просто слушай, – сказала она. – Пусть она тебя захлестнет, как волна.

И пока она читала, внутри у меня что-то размягчилось, тревоги о юных леди улетучивались и хватка бессонницы мало-помалу слабела.

– Не нужно никому об этом рассказывать, – напомнила Ночная мама, провожая меня обратно по коридору.

Я ошупью добрался до кровати, чувствуя, как узелок Филипа Коула на лоскутном коврикe впивается в подошву.

* * *

Может быть, вам время от времени снятся плохие сны, а может быть, они снятся вам почти каждую ночь. Может быть, вы предрасположены к ним по причинам, в которые не хочется вдаваться. Когда мы стали старше, такие сны начали мучить Уильяма, и я прекрасно

⁶ Здесь и далее цит. по переводу С. Хоружего.

помню, когда ему приснился первый настоящий кошмар – это было в ночь перед приходом юных леди. Под утро я проснулся от его криков во сне: *Хватит! Хватит!* Лоуренс тоже проснулся, буркнул: “Скажи ему, чтобы заткнулся”, потом, кряхтя, выбрался из постели и пошел в туалет, а я пошел к Уильяму. Мой брат размахивал кулаками в темноте, пытаясь ударить по чему-то несуществующему. Одеяло туго обмоталось вокруг него.

– Уильям, – прошептал я и потряс его за плечо. – Уильям, все хорошо. Проснись.

Это было грубым нарушением правил – будить мальчика, которому что-то снится.

Он вздрогнул и уставился на меня так, словно не узнавал.

– Тебе приснился кошмар, – сказал я. – Этого не было на самом деле.

Белки его глаз мерцали – бледные осколки луны, бледные паруса в черных морях.

– Я видел нож, – пробормотал он. – Кто-то бежал среди деревьев. Та самая худая девочка.

Я поскользнулся в крови...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.